

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

Федор Блюхер
Сергей Гурко
Константин Павлов-Пинус

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛОГИКИ ИСТОРИИ

Москва
2018

УДК 165.8
ББК 87.6
Б 71

В авторской редакции

Авторы:

Ф.Н. Блюхер – Введение; Раздел 1; Раздел 2; Раздел 3. Главы 3.1, 3.2, 3.3, 3.4; Раздел 5, Раздел 6, Раздел 7; *С.Л. Гурко* – Введение; Раздел 3. Главы 3.2, 3.4; Раздел 6, Раздел 7; Заключение;
К.А. Павлов-Пинус – Раздел 4; Заключение

Рецензенты

д-р филос. наук *И.А. Герасимова*
канд. ист. наук *Е.В. Робустова*

Б 71 **Блюхер, Ф.Н.** Социальные логики истории [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко, К.А. Павлов-Пинус. – М.: ИФ РАН, 2018. – 107 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 103–104. – Рез. : англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0345-1.

Представленную книгу можно рассматривать как введение в современную теорию исторического материализма. В схематической форме в ней рассмотрены основные категории описывающие общество: труд, признание, культура, власть, деньги. В основание подхода лежит современное естественнонаучное представление о саморегуляции сложности в самовоспроизводящихся системах. Не отбрасывая классические положения советского истмата, авторы учитывают достижения системной теории Н. Лумана, теории власти Кожева и современных экономических теорий. Предложено оригинальное разъяснение понятия «большинства» и связанных с ним парадоксов. Книга дает ответ на вопрос: «почему советское общество заблуждалось относительно возможности реализации экономических реформ 90-х годов XX века».

ISBN 978-5-9540-0345-1

© Блюхер Ф.Н., 2018
© Гурко С.Л., 2018
© Павлов-Пинус К.А., 2018
© Институт философии РАН, 2018

Оглавление

Введение	5
1. Общество как система	9
2. Системы	14
3. Статика	19
3.1. Труд. Социально-производительная система.....	20
3.2. Признание. Социально-психологическая система.....	31
3.3. Культура. Социально-культурная система.....	40
3.4. Власть. Социально-организационная система.....	50
4. Большинство	60
4.1. Некоторые сопутствующие понятия и концептуальные ориентиры.....	60
4.2. Элементы социальной комбинаторики.....	67
5. Деньги	72
6. Системы. Динамика	80
7. История. Ответы	90
Заключение	96
Список литературы.....	103
Summary.....	105

Contents

Introduction	5
1. Society as a system	9
2. Systems	14
3. Static description	19
3.1. Labour. Social-production subsystem	20
3.2. Recognition. Social-psychological subsystem	31
3.3. Culture. Social-cultural subsystem	40
3.4. Power. Social-organizational subsystem	50
4. Majority	60
4.1. Some accompanying notions and conceptual guides	60
4.2. Elements of social combinatorics	67
5. Money	72
6. Systems. Dynamic description	80
7. History. Answers	90
Conclusion	96
Bibliography	103
Summary	105

Введение

В самом общем виде описание любого сегмента мира с любой степенью детализации представляет собой классификацию неоднородностей. Неоднородности могут описываться как объекты или места, силы или события, но мыслимым пределом всех таких описаний будет не логически противоречивое «ничто», а ситуация полной неразличимости. Поскольку понятие пространства включает в себя различие мест, этот предел обычно представляется сингулярностью, состоянием, лишенным какой-либо множественности. Физики обыкновенно назначают эту точку генетической предшественницей Большого Взрыва, а исследователи социальной динамики применяют это наименование в качестве родового имени для описания гипотетической ситуации, когда скорость какого-либо процесса превысит характеристический предел, заданный самим описанием этого процесса (например, если скорость производства знания превысит скорость усвоения его человечеством, то обладание знанием перестанет быть антропологической характеристикой). Но в сравнительно спокойном промежутке между сингулярностью, из которой явилось все, включая нас, и сингулярными ловушками, в которых мы, быть может, канем, лишившись возможности досмотреть этот величественный спектакль, располагается область, доступная нашим попыткам изучения и описания.

Типическим можно считать процесс, когда свойства субстрата, неравномерно распределенные в момент, условно принимаемый за начало, оказываются причиной дальнейшего нарастания этой неравномерности, с постепенным превращением зон с повышенной выраженностью свойств в «объекты», а самих свойств в «силы», действующие между «объектами». Не залезая в дебри современной физики, достаточно представить себе процесс образования в результате действия гравитации как всеобщего свойства, небесных тел как объектов, взаимодействие между которыми описывается преимущественно гравитацией уже как специфической силой. Сходным образом, избирательность химических реакций могла, как полагают, породить объекты, характеристической чертой которых станет селективный обмен с внешней средой, то есть всю

абиогенетическую, а затем и биогенетическую номенклатуру: от коацерватных капель до мамонтов и охотников на них, наследника-м удачливой части которых мы, возможно, являемся.

Для нашего случая, однако, интерес представляет скорее приложение подобного схематизма к описанию процесса возникновения и развития элементов социальной структуры. При этом особенности морфологии такого элемента будут определяться тем, какое именно исходное свойство преобразуется в соотнесенные объектный и динамический план порождаемой структуры, а образ действий этой структуры, в свою очередь, будет задаваться свойствами получившихся объектов и сил. Нелишне заметить, что описанные таким образом системы являются самопорождающимися, поскольку противопоставление внутреннего и внешнего появляется именно вследствие процесса порождения системы, а значит, несправедливо было бы утверждать, что нечто внешнее было причиной порождения, а кроме того, свойство, обособившееся в виде порожденной системы, продолжает оставаться ее действующим началом.

Возьмем в качестве исходного пункта отдельные проточеловеческие существа (разумеется, никогда на деле не существовавшие в отделенности, чему свидетельство неуспех попыток восстановления базовых антропологических характеристик так называемых «диких детей»). Любые биологические характеристики, такие как физическая сила или скорость реакции, нервная возбудимость или объем и надежность механизмов памяти, будут распределены на множестве таких существ неравномерно. Взаимодействие этих существ приведет к объективации части их свойств одновременно в виде элементов антропологической схемы и элементов социальной структуры. Например, различная способность использовать свои ресурсы для принуждения других, говоря широко, способность эффективно чинить насилие не приведет ни к гипотетической Гоббсовой войне всех против всех, ни к столь же гипотетическому всеобщему соглашению. Вместо этого неравная способность к насилию будет оформляться, с одной стороны, в социальную иерархию (наблюдаемую, впрочем, и у животных), а с другой – в особенности типов психического устройства, в характеры. При этом обе системы окажутся самоподдерживающимися динамическими равновесиями: положение в иерархии нужно будет периодически

подтверждать, а внешние признаки характера – проявлять. Если мы свяжем так образующийся элемент социальности с понятием «власть», то часто отмечаемое противопоставление власти и насилия окажется разрешимым: представляя собой объективированную способность к насилию, власть тем в большей степени является собой, чем в меньшей степени вынуждена обращаться к насилию как процессу.

Подобным же образом можно представить себе, как в соответствующие структуры превращаются флуктуации способности к продуктивной деятельности, к накоплению и передаче опыта, к дифференцировке чувственного аппарата. Понятно, что вариативность обстоятельств, при которых может осуществляться такой параллельный антропо- и социогенез, может обеспечить значительное разнообразие несводимых к универсальному единству антропологических схем и согласованных с ними социальных конструкций.

Общим принципом, лежащим в основе подобных процессов, которые можно называть эволюционными в широком смысле, является перераспределение сложности. Так, структурная сложность порожденных гравитацией небесных тел практически не проявляется в их гравитационном же по своей природе взаимодействии. Локальная концентрация сложности определенного типа оборачивается упрощением взаимодействия сформировавшихся при этом объектов с тем, что выступает для них в качестве среды.

По отношению к социальности можно предположить, что структурная сложность связана с анализом и синтезом всей совокупности обществ, которые мы находим в интересующем нас предмете исследования. В то время как взаимодействие социальных объектов традиционно описывается понятием «история». Наше исследование, следовательно, будет разделено на две части, в первой из которых будут рассмотрены вопросы, посвященные статической модели, во второй – динамической.

Рассматривая социальные закономерности, мы должны предварительно очертить рамки нашего исследования. Так как речь идет об истории, необходимо выбрать исторический объект, к которому будут приложимы наши исследования. Одной из границ исследования будет анализ исторических реалий России. Другой границей должны стать люди. Однако данные рамки как начало

исследования требуют существенного дополнения. «В том случае, когда понятие общества сопрягается с человеком, в него включается слишком много; в случае территориального понятия общества – слишком мало»¹.

Поэтому целью работы станет ответ на вопрос: «Почему реформы в России приводят к результатам, которых не смогли предвидеть ни сторонники, ни противники реформ?».

¹ Луман Н. Теория общества // Теория общества. М., 1999. С. 202.

1. Общество как система

Для выявления элементов морфостатической модели мы воспользуемся методологией, предложенной К.Х. Момджаном, основанной на выделении простейших элементов общества². Такими элементами автор считает субъекты, вещи, символы и отношения между ними. Вслед за элементами выделяются четыре типа человеческой жизнедеятельности, необходимых для воспроизводства общества: материальное производство, организационная деятельность, духовная деятельность и социальная деятельность. Соглашаясь в целом с автором, мы хотели бы внести некоторые логические уточнения простейшего социального элемента. На наш взгляд, любой анализ элемента социальной системы должен отвечать на четыре вопроса. 1. Он должен быть чем-то отдельным, отличным как от среды, так и от других социальных элементов, т. е. отвечать на вопрос «Что?». 2. Способ его существования и воспроизводства должен быть определен и описан в ответе на вопрос «Как?». 3. Будучи не только субъектом, но и объектом развития, он имеет причину своего возникновения, и исследователь должен отвечать на вопрос «Почему этот объект именно таков?». 4. Наконец, так как мы имеем дело с социальным, т. е. состоящим из людей, объектом, поиск ответа на вопрос «Зачем?» также представляется нам нелишним. Попытаемся последовательно ответить на эти вопросы.

1. Ответ на первый вопрос при всей его тривиальности является достаточно дискуссионным. В современной социологии данная проблема нашла выражение в наличии двух подходов. Все социологи разделяют банальное положение «без людей нет общества». Однако следование из этого положения уже вызывает споры: одни из них считают, что «общество – это и есть люди»; другие – что «общество состоит не из людей, а из структур», подразумевая под последними государственный и социальные институты, классы, сословия, группы людей, объединенных устойчивыми связями и т. п. В пользу первых говорит то, что если мы признаем за фразой «без людей нет общества» статус истинной, то простой табличный метод исчисления высказываний показывает что формула $((\neg A \Rightarrow \neg B) \wedge B) \Rightarrow A$ (если ((если не А, то не В) и В), то А) – логи-

² Момджан К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997. С. 324.

чески истинна. На стороне вторых выступает элементарный здравый смысл. Мы все являемся элементами каких-либо социальных структур: профессиональных, экономических, духовных, и отрицать влияние на нас этих структур не имеет смысла, хотя бы в силу того, что наше индивидуальное поведение очень часто вынуждено подчиняться правилам и требованиям, которые могут противоречить рациональным доводам самого индивидуального поведения, например участие в народной традиции (свадьба, похороны), подчинение требованиям производственной дисциплины, участие в безнадежной оппозиционной деятельности.

Чтобы совместить оба подхода, необходимо признать, во-первых, что «понятие общества есть, собственно говоря, понятие, обозначающее отношения между людьми», и, во-вторых, «что общество всегда состоит из индивидов, и что понятие о нем без индивидов, из которых оно состоит, – бессмысленно и абсурдно»³. Или, говоря иными словами, общество – это межиндивидуальное взаимодействие, создающее индивидов⁴. Тем самым мы с самого начала анализа исходим из того, что общество исторично и создаваемая нами статичная модель не более чем упрощение, необходимое нам исключительно для уточнения понятий, используемых при анализе общества. Вслед за Адорно мы считаем, что «существует столь же мало индивидов в общественном смысле, а именно – людей, которые могут существовать в качестве личностей с собственными притязаниями и прежде всего в качестве трудящихся (разве что с оглядкой на общество, где они живут и которое формирует их до самых глубинных черт), как, с другой стороны, не существует и общества, которое не опосредствовало бы понятие о себе через индивидов; ибо процесс, посредством которого общество сохраняется, есть, в конечном счете, жизненный процесс, процесс труда, процесс производства и воспроизводства, который поддерживается на ходу через отдельных индивидов, социализированных в обществе»⁵.

³ Адорно Т.В. Введение в социологию. М., 2010. С. 81–82.

⁴ Здесь важно различать отношения, создающие индивида от индивидуальных отношений. По существу, хотя речь здесь идет об индивидах, сами межиндивидуальные отношения оказываются не индивидуальными, а групповыми. Подробнее см. в разделе «Большинство» наст. изд.

⁵ Адорно Т.В. Указ. соч. С. 83–84.

2. Такое взаимное обусловливание возникновения индивидов и отношений между ними заставляет нас перейти к ответу на второй вопрос. Приходится согласиться, что проблема не может быть решена без анализа процессов, которые приводят к образованию социальных структур, объединяющих людей в устойчивые социальные группы. Последнее означает ответ на вопрос «Как функционирует общество?» или «Что лежит в основании функциональной связи, объединяющей индивидов в социальные группы?». С точки зрения теории, которой мы придерживаемся, эта взаимосвязь обусловлена обменом между группами, которые в крайнем случае могут быть представлены индивидуумом. «Обобществленное общество представляет собой не только функциональную связь между людьми, но оно существенно (в качестве предпосылки) определено посредством обмена»⁶.

Качественная определенность взаимодействия между объектами влечет за собой их спецификацию. Мы должны отвлечься от многих черт, присущих индивиду в жизни, и выделить прежде всего лишь одно его свойство, этот идеализированный индивид – трудящийся. Тем самым мы хотим сказать, что он сам производит тот продукт, при помощи которого вступает в обмен. Безусловно, в обществе есть и непродуцирующие индивиды: дети, старики, жены на содержании, богатые наследники и т. п. На первом этапе функционального анализа структуры общества мы сознательно исключаем их из рассмотрения. Пока же вместе с выделением основного отношения между индивидами мы считаем, что «абстрактность меновой стоимости первичнее всякого особого социального расслоения... а общества – над принудительно объединенными в нем членами»⁷.

3. и 4. Ответы на третий и четвертый вопрос взаимосвязаны. Вопрос «зачем?» относится к телеологическим системам, и поэтому если и применим, то скорее к индивидам, чем к социальным системам. Вопрос же «почему?» может быть применим как к общественным институтам, так и к индивидам, из которых они состоят, понятно, что не все действия человека являются целесообразными. Поэтому правильный ответ на вопрос о причине исторических

⁶ Адорно Т.В. Указ. соч. С. 68.

⁷ Там же. С. 72.

явлений может быть не один, а несколько в зависимости от того, о каком фрагменте социального взаимодействия между индивидуумами и обществом идет речь.

Поиск ответа на вопрос «почему социальный объект таков, каков он есть?» имплицитно подразумевает, что в истории этот объект какое-то время существует самостоятельно, т. е. что он сам себя воспроизводит. Теория воспроизводящихся социальных систем была разработана Никласом Луманом. Он называет этот процесс аутопойезисом и выделяет следующие черты аутопойетических систем⁸.

Аутопойетические системы это системы, производящие не только свои структуры, но и свои элементы в сети именно этих элементов. Элементы (во временном аспекте являющиеся операциями) не имеют никакого независимого существования. Они производятся только в системе, причем именно благодаря тому, что *используются как различие* (выделено Н. Луманом)⁹.

Всякая связь с окружающим миром предполагает самодеятельность системы и *историческое состояние системы* (выделено мною) как условие ее самодеятельности. «Система автономна не только на уровне структуры, но и на уровне операций»¹⁰.

«Общая теория аутопойетических систем требует, чтобы точно была указана та операция, которая совершает аутопойезис системы и тем самым ограничивает систему от ее окружающего мира»¹¹. Для социальных систем такой операцией Луман считает коммуникацию, для психических – сознание. Необходимо лишь подчеркнуть, что операции должны производить компоненты, которые своими взаимодействиями и трансформациями постоянно регенерируют и реализуют процессы (отношения), которые их производят и конституируют саму систему как конкретное единство в пространстве. Речь идет прежде всего о самовоспроизводящихся биологических или социальных системах.

Следствием операциональной замкнутости является самоорганизация системы, при которой реальные операции в системе и мире не влияют непосредственно друг на друга, а происходят как бы одновременно.

⁸ Луман Н. Теория общества. С. 214.

⁹ Там же. С. 208.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ Там же. С. 215.

Открытость таких систем основывается на их замкнутости. Только операционально замкнутые системы могут выстроить высокую степень собственной сложности, которая затем специфицируется при определенных аспектах в реакциях на условия окружающего мира. Тогда как во всех остальных аспектах благодаря аутопойезису система может обеспечивать безразличие.

С другой стороны, «закрытость всегда есть включенность в нечто, что, если смотреть изнутри, находится вне. Всякое возведение и сохранение границ системы предполагает материальный континуум, который не знает и не принимает в расчет эти границы»¹².

Первые три пункта относятся к описанию специфических характеристик аутопойетических систем, описывающих воспроизводство системы с точки зрения ее внутреннего функционирования. Описывая элементы этого функционирования, мы одновременно отвечаем на вопрос «Почему система именно такая?». В дальнейшем при анализе конкретных систем мы обозначим их пунктами (1, 2, 3).

В четвертом пункте описан принцип взаимодействия аутопойетических систем друг с другом и окружающим миром. В пятом и шестом показаны эволюционные последствия их развития и взаимодействия с окружающими системами. Можно условно сказать, что это описание системы как бы вынесено вовне, тем самым характеристики самой системы становятся опосредствованы и у нас появляется возможность ответить на вопрос «зачем?». При всей возможной иллюзорности полученного ответа сама необходимость постановки этого вопроса в форме «а зачем?» характеризует возможное состояние элементов социальной системы как рационально мыслящих индивидов.

¹² Луман Н. Теория общества. С. 224.

2. Системы

Теория аутопойетических систем приложима и к биологическим, и к социальным объектам. Чтобы продолжить анализ, нам нужно ввести уточнение, позволяющее описать специфику социальных систем. Благодаря своей закрытости аутопойетическая система является самореферентной, т. е. состоит из элементов, которые сама система конституирует как функциональное единство и одновременно «во всех отношениях между этими элементами обеспечивает ссылку на это самоконструирование»¹³. Это положение требует, чтобы единство системы не было заранее задано извне, скорее создано «посредством операции соотнесения»¹⁴.

Операция соотнесения создаваемых элементов с репродуцирующей системой в досоциальных системах требует заданности внесистемного «наблюдателя для создания отношения между системой и окружающим миром»¹⁵. Поэтому процесс репродукции такой системы применим лишь внутренним образом. В то время как социальные самореферентно-замкнутые системы, исходя из самонаблюдения или «должны дать определения своему специфическому способу операции; либо посредством рефлексии определить свою идентичность, чтобы быть в состоянии регулировать то, какие смысловые единства обеспечивают внутреннюю саморепродукцию системы»¹⁶. То есть операция смысловой соотнесенности принадлежит самой системе, и принцип саморазличения играет при этом определяющую роль.

Так как смысловая соотнесенность, задавая прежде всего границу «окружающий мир – система», самореферентна, то она должна самопродуцировать свою смысловую определенность как по отношению к своим собственным внутрисистемным операциям, так и по отношению к внешнему для нее миру. «При всех внутренних операциях смысл способствует постоянному наличию ссылок на саму систему и на более или менее сформировавшийся окружающий мир; при этом выбор основ ориентации может оставаться открытым и быть оставлен последующим операциям, одновремен-

¹³ Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 66.

но воспроизводящим смысл с отсылкой вовне и внутрь»¹⁷. Так, если мы имеем дело с такой общественно-политической структурой, как политическая партия, мы должны признать тот факт, что смысл этой организации не обязательно задан процессом развития крупного машинного производства либо национальными или конфессиональными особенностями того или иного государства. Смысл политическим структурам задается конкретными условиями борьбы за власть. Причем, возникнув как смысловой элемент политической системы, сам акт возникновения партии может стать причиной появления других партий. Более того, только наличие нескольких партий может впервые поставить задачу создания партийной идеологии и формирования правил политической борьбы. И хотя все это время партия как элемент политической системы была по определению лишь частью политического спектра, конечный результат смысловой определенности политической борьбы может существенно изменить первоначальный смысл функционирования партии.

Социальные аутопойетические системы являются системами, задающими свою структуру, операции и собственные границы¹⁸ через самореференцию смысла. Однако сам «смысл является всеобщей формой самореферентной установки на комплексность, которую невозможно охарактеризовать через какое-либо определенное содержание (исключая при этом другое)»¹⁹. Поэтому, описывая социальные аутопойетические системы, мы, вслед за Н. Луманом, будем различать в смысловом измерении предметные, временные и сущностные аспекты социального репродуцирования (это в самореферентных системах и есть ответы на первоначальные вопросы «что?», «как?», «почему?», «зачем?»).

Смысловое определение «предметности» и «временности» не обязательно привязано к описанию «вещей» или «отношений между вещами». Этими понятиями описываются моменты смысловой определенности нашей соотнесенности в социуме, нашей соидентично-

¹⁷ Луман Н. Социальные системы. С. 70.

¹⁸ «Система, конституирующая смысл, не может отказаться от осмысленности всех своих процессов. Однако смысл указывает на дальнейший смысл. Циркулярная закрытость этих указаний предстает в своем единстве как конечный горизонт всякого смысла – как мир» (см.: Луман Н. Социальные системы. С. 109).

¹⁹ Там же. С. 112.

сти. Но «в начале существует не идентичность, а различие. Лишь это дает возможность наделить случайности информационной ценностью и тем самым создать порядок»²⁰. Категориями «предметность», «временность» и «сущность» мы описываем свою соотнесенность с социумом. Мы конструируем социальный мир, к которому принадлежим, хотя вполне возможно, что данное самоотождествление может не соответствовать будущему объективному развитию социума.

Предметным измерением выступают индивиды и социальные группы, но заданные «посредством того, что смысл разлагает структуру указаний мыслимого на “то” и “иное”. Следовательно, исходным пунктом предметной артикуляции смысла является первичная дизъюнкция, отделяющая еще неопределенное нечто от иного»²¹. Данная предметная определенность лежит в основании первичной социальной идентификации, а так как объект этой социальной идентификации одновременно является психологической системой, легко предположить, что единственность объекта обуславливает предметное единство психологии и социологии. А раз так, то, принимая положение, что «общество – это и есть люди», мы можем на основании социальных опросов индивидов, посвященных их самоидентификации, сделать вывод об изменениях в социальной структуре общества. Однако прежде чем делать такой вывод, мы должны доказать, что аутопойесис психической и социальной системы совпадает. Конечно, обе системы возникли в ходе ко-эволюции. Обе используют смысл для представления редукции комплексности. «Однако точно так же несомненно и аутопойетическое различие: психические и социальные системы в самореферентной закрытости своей репродукции невозможно свести друг к другу. Те и другие используют разную среду своей репродукции – либо сознание, либо коммуникацию. <...> ... Не существует какой-либо аутопойетической суперсистемы, способной интегрировать обе воедино: никакое сознание не входит в коммуникацию, и никакая коммуникация – в сознание»²².

Это различие проявляется уже во временном описании социальных изменений. Как и предметное определение: «время выступает для смысловых систем лишь интерпретацией реальности

²⁰ Думан Н. Социальные системы. С. 117.

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 357.

в отношении различий прошлого и будущего. При этом горизонт прошлого (ровно как и будущего) не есть, например, начало (либо конец) времени. ...Будущее и прошлое могут либо выступать как намерение, либо тематизироваться, но не могут быть пережиты или подвергнуты обработке. Отрезок времени, заключенный между прошлым и будущим, в котором происходит становление необратимости изменения, познается как настоящее». Причем «одновременно даны два настоящих... и лишь их различие производит впечатление течения времени. Одно настоящее представляется в точечной форме: оно всегда отмечается тем... что происходит необратимо. ...Иное настоящее продолжается и символизирует тем самым обратимость, реализуемую во всех смысловых системах»²³.

Становление социальной группы как элемента социальной системы описывается временными параметрами обратимости коммуникативной ситуации и необратимости события. Так, стандартный коммуникационный акт при экономическом обмене, юридическом процессе, производственной операции происходит регулярно и описывается стандартными средствами. В то же время каждый единичный коммуникационный акт для становления социального индивида либо группы может стать тем событием, которое конституирует его как самостоятельный элемент системы.

В психической же системе сознание производит только сознание, и если мы искусственно прервем образование новых представлений из представлений, то «возникает особое сознание времени, направленное вовне, которое известным образом ожидает нового начала воспроизводства представлений и для этого держит наготове потенциал внимания»²⁴. Отсюда можно сделать вывод, что временные параметры психической системы имеют дело только с необратимым настоящим, всегда присутствующим в сознании «здесь» и «теперь». Данный результат нашел выражение в известном «парадоксе времени», описанном Платином – Августином.

Наконец, последней из смысловых структур, описывающих социальную систему, Н. Луман называет социальным измерением. Так как социальное конституируется смыслом, то «для любого смысла также может потребоваться указание на социальное. Иными словами, на этом основании о любом смысле можно спросить,

²³ Луман Н. Социальные системы. С. 121.

²⁴ Там же. С. 346.

переживает его другой точно так же, как я, или иначе. Таким образом, смысл является социальным не как связь с определенными объектами (людьми), а как носитель своего рода удваивания возможности понимания»²⁵. Или, говоря категориальным языком классической немецкой философии, речь идет о сущности социального. «Сущность как бытие, опосредствующее себя собой через свою же отрицательность есть отношение с самой собой, лишь будучи отношением с другим, это другое, однако, есть не как непосредственно сущее, а как положенное и опосредованное»²⁶. Суть коммуникации в социальной системе должна быть внеположена для самой системы, но эта система аутопоэтична и, следовательно, операционально замкнута, что не предполагает, что сам смысл может быть внесистемен. Следовательно, смысл системы должен быть операционально произведен в самой системе, и его существование должно определяться коммуникационным своеобразием функционирования системы. Такими положенными и опосредованными правилами, определяющими самореференцию социальности, являются созданные человечеством нормы и законы социальной жизни, нашедшие выражение в праве, этике, эстетике или стереотипах, используемых для описания Истории.

Теперь после выделения конкретных социальных аутопоэтических систем, которые мы опишем пунктами (1 – операция самовоспроизводства, 2 – историчность системы, 3 – операциональная замкнутость от окружающего мира), проинтерпретируем самореференцию смысла каждой системы как собственно социальных образований в пунктах (4 – предметные, 5 – временные, 6 – сущностные характеристики систем). Предметные характеристики наиболее просты, это первичное субъективное различие, оценка на уровне аутопоэтической операции. Временная характеристика сложна и включает в себя а) необратимо произошедшие временные параметры и б) обратимые темпоральные характеристики рассматриваемой операции. Обозначим их в тексте как (5а) и (5б). Сущностная характеристика будет ограничена сферой «явления» действительно существующей формы описываемой операции.

²⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 124.

²⁶ Гегель. Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 264.

3. Статика

Выделяя вслед за К.Х. Момджаном четыре типа общественных отношений, мы рассмотрим их в логике аутопойетических систем, предложенной Н. Луманом, и попытаемся объяснить взаимную корреляцию перечисленных выше процессов относительно друг друга. Возвращаясь к предложенным выше четырем типам социальных отношений, выделенным К.Х. Момджаном, мы можем сформировать четыре аутопойетические социальные системы: социально-производственную, социально-организационную, социально-культурную и социально-психологическую²⁷.

Поскольку любая из анализируемых систем самодетельна, то и исторические условия для каждой из них должны быть различны. Тем самым мы имеем дело не с одной исторической причиной «наших бедствий», а с конкретным набором исторических состояний, привязанных каждый раз к определенной аутопойетической системе. Исторический анализ не только указывает нам на причину настоящего, но должен показать, что было неправильно проанализировано в прошлом, раз история пошла совершенно другим путем. История совершилась именно так, как она совершилась, следовательно, на то были причины, и в социальном анализе необходимо эти причины выявить²⁸. В этом пункте мы можем зафиксировать наше отличие от теории общества, предложенной К. Марксом. Маркс создавал теоретическое объяснение для развивающегося общества, т. е. теорию общественного развития. Предложенная здесь теория предлагает описать более широкий спектр социальных изменений. Созданная для статических моделей, она подходит для описания изменений не прогрессивного характера.

²⁷ Отличие нашей концепции от концепции типов социальной деятельности, предложенной К.Х. Момджаном, в том, что мы считаем, что любой человек одновременно является элементом всех систем, в то время как К.Х. Момджан исходит из реально существующей системы разделения труда, и существование каждого из типов обуславливается наличием отдельных социально значимых профессий.

²⁸ В качестве такой задачи мы хотели бы выделить проблему объяснения снижения темпов роста промышленного производства в СССР в 70–80 гг. XX в., получившего наименования «застоя».

3.1. Труд. Социально-производительная система

1. Речь идет о материальном производстве, подробно проанализированном в трудах К. Маркса. Производя продукт, индивид вместе с продуктом, предназначенным для потребления, производит свою способность производить продукты. Произведенный продукт встраивается в систему производства как элемент, необходимый а) для потребления, т. е. воспроизводства производителя; б) для дальнейшего производства продуктов. Элементом системы является *труд* по производству конкретного продукта, и он же во временном аспекте является аутопойетической операцией, которая, повторяясь и закрепляясь, не может быть использована вне системы как конкретный элемент структуры (например, разделение функций у животных при стайной охоте).

2. Так как конкретная трудовая операция вне согласованной системы операций теряет смысл, то автономность присутствует и на уровне операции. Более того, автономность на уровне операций приводит к естественному возникновению процесса разделения труда. «Процесс труда, взятый в его возобновлении, повторении, предстает как обособляющийся на различные процессы труда вследствие, во-первых, своих внутренних связей, во-вторых, обусловленной строением организма расчлененности потребностей, в-третьих, различия разного рода природного материала предметов и средств труда... *Универсализация средств труда для создания продуктов определенного рода из соответствующего рода предметов труда есть по своей сути вместе с тем и дифференцирование* этих средств труда от средств труда, служащих для создания других родов продуктов. Ибо чем больше выделяется общее именно данного рода, тем больше этот род отличается от других родов. Общее существует через различие (точно так же, как различие возможно лишь при наличии общего). ... Чем совершеннее данный процесс труда, тем труднее, при прочих равных условиях, овладеть каждым из его компонентов в отдельности, тем более сложно и важно уловить их взаимосвязь. Вычленение моментов процесса труда, совершающегося вместе с углублением их единства, есть *собственно внутренняя дифференциация процесса труда*»²⁹.

²⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 1988. С. 86–87.

Труд можно рассматривать как сложную деятельность по преобразованию продукта труда с целью получения заранее намеченного результата. Продукт, полученный в результате процесса труда, или потребляется, или обменивается на продукт другого труда. Это взаимосвязанные процессы, но в реальности они должны быть рассмотрены по отдельности, потому что могут существовать раздельно.

Предположим, что процесс труда состоит из нескольких преобразований продукта труда, для простоты вынесем цель общей деятельности всего процесса за скобки и сведем количество преобразований к двум. Оба процесса преобразований связаны друг с другом. В первом процессе объект природы A_1 в результате действий f_1 , которые продолжаются время t , должен получить вид измененного объекта природы A_2 . Состояние объекта A_2 задается теми операциями, которые должны быть произведены с продуктом труда в результате преобразований объекта A_2 в объект A_3 . Тем самым каждый из процессов преобразований связан между собой не только общей целью, вынесенной за скобки, но и локальной целью, задаваемой последующим процессом. Действие f_1 , производимое с объектом природы, также является сложным и зависит от знания природных особенностей объекта A_1 . Например, руда, металл, кожа или сельхозпродукция может быть разного качества, которое зависит от количественных параметров состава данных объектов. От знания природных объектов, становящихся продуктами труда, зависит время t , которое тратится на операцию f . В крайнем случае, при полном отсутствии объективных знаний об изменяемом объекте природы поиски нужного состояния объекта приобретают случайный характер (легенда о поиске нужной температуры для обжига китайской фарфоровой вазы). В силу ограниченности человеческих знаний каждый из двух процессов труда в случае повторяемости труда постепенно становится профессией, представитель которой гарантирует, что в момент передачи объекта труда A_2 для дальнейшего его превращения в предмет труда A_3 состояние созданного объекта соответствует его будущим преобразованиям.

Второй пример зависит от потребления продукта труда.

В этом случае мы не можем вынести цель труда за скобки, понятно, что потребляется именно тот продукт, который является целью производства. Но чтобы получить данный продукт, нужно согласовать некоторое количество трудовых операций, условно от-

носящихся к различным видам труда. Даже «элементарное» огородничество предполагает разнообразные техники обработки земли, ухода за растениями, борьбы с вредителями, уборки урожая, сохранения продукта до окончательного потребления. То, что относится к относительно простым видам производства продуктов потребления, тем более относится к сложным видам труда. Однако, насколько бы ни был важен тот или иной вид труда в общем процессе производства, все они должны быть согласованы между собой и подчинены одной цели – получению определенного продукта, необходимого социальной системе для своего воспроизведения.

Тем самым при анализе труда как целесообразного процесса мы можем констатировать наличие в труде двух видов целей: а) внутренних целей, обусловленных изменением предмета труда для преобразования его в продукт труда; б) конечных целей создания продукта, необходимого для потребления. И хотя оба вида целей принадлежат одному процессу операций, т. е. протекают одновременно, они создают различные структуры в процессе производства, которые могут противоречить друг другу. Это производительные силы и производственные отношения.

3. Процесс разделение труда в материальном производстве и есть операция аутопойезиса. Она относится к обеим структурам. В одном случае в результате нее вырастают производительные силы, в другом она конституирует производственные отношения. А так как производство может быть целиком заиклено на потреблении, то ничего другого системе для своего постоянного воспроизводства и не нужно. Подтверждением этого являются все традиционные первобытные общества, которые просуществовали в своем постоянно воспроизводящемся состоянии до сегодняшнего дня.

Тем самым материальное производство как сложный элементно-согласованный процесс труда отделяется от элементарного собирательства продуктов потребления, предоставляемого средой обитания, и процесс воспроизводства «трудовых технологий» конституирует систему материального производства как аутопойетическую систему вне зависимости от ее привязки к биологическому или социальному характеру системы³⁰.

³⁰ То, что труд является элементом именно данной аутопойетической системы, указывает на бессмысленность поисков особой биологической предрасположенности человека к труду, т. к. труд является системным, а не объектным качеством.

Производственные силы и производительные отношения присутствуют в любом сложном процессе труда. Однако они имеют различную природу возникновения. Если источником развития производительных сил являются преобразования предмета труда, то развитие производительных отношений зависит от целей трудовой деятельности. «Производственные отношения в отличие от трудовых отношений представляют собой отношения между людьми в процессе обмена веществ между человеком и природой с точки зрения продукта, результата, а не участия человека в этом обмене веществ (подобно тому, как производство есть этот обмен веществ с точки зрения продукта, а труд – с точки зрения участия в ней человека)³¹.

Так как производственные силы и производительные отношения принадлежат одному процессу труда, то и разделение труда происходит в обеих сферах. Однако в силу вышеприведенных различий разделение труда в производительных силах и производительных отношениях могут происходить отдельно и не зависеть друг от друга.

Общества, ориентированные на увеличение производства, наращивают производительность через рост разделения труда. Само разделение труда, поскольку оно увеличивает производство, выступает как производительная сила. Однако само по себе увеличение производства без роста потребления бессмысленно, поэтому саморегуляция общественной системы основывается на оценке обществом затрачиваемых на производство продуктов усилий и получаемых от этих усилий результатов.

4. Труд является исходной операцией, благодаря которой мы можем говорить о существовании одной из социальных систем. Система существует, поскольку есть разделение труда и обмен результатами труда. Процесс разделения труда и его влияние на развитие общества подробно описан, однако, так как аутопоietическая система должна «самопродуцировать свою смысловую определенность по отношению к своим собственным внутрисистемным операциям» (см. раздел «Системы» данной монографии), мы должны рассмотреть труд не только как результат технологических операций, постоянно увеличивающих ценность продукта, но и такую его сторону как «непроизводительный труд». Тем самым

³¹ Вазюлин В.А. Указ. соч. С. 121.

мы вводим определенность труда с точки зрения его количественных параметров. Поэтому частица «не» в данном случае означает, что количество или ценность продукта после определенной трудовой операции не возрастает.

При этом мы не считаем, что возрастет только материальная ценность продукта. Например, жертвоприношение шамана для вызова дождя, христианская молитва для улучшения хозяйственной деятельности, сожжение ведьм, которые насылают порчу на скот, работа современных рекламщиков или маркетологов, с нашей точки зрения, увеличивают ценность продукта. Условно возьмем некоторое **n** как количество производимого продукта. Если мы, в силу незнания природы вещей, считаем, что условия **a, в, с** необходимы для получения определенного количества и качества (например, халяльная еда) производимого продукта, то данные действия при изготовлении продукта будут нами повторяться с необходимостью, пока мы не приложим усилия в познании природы вещей и не выясним, что условия **a, в, с** являются лишь сопутствующими признаками условий **A, B, C**, которые и оказывают непосредственное влияние на количество и качество производимого продукта **n**. Ориентируясь на новые знания, мы можем увеличить количество и качество производимого продукта до **n + m**.

При этом само по себе количество **n** ничего не добавляет к характеристике труда как производительного или непроизводительного. У понятий пары «производительность» – «непроизводительность» два значения. Первое – прямое: если количества продукта **n** не хватает для простого воспроизводства социальной системы, труд считается «непроизводительным» и не оценивается социальной системой как «труд». Например, труд ученого-антрополога в традиционном племенном сообществе охотников, скотоводов, земледельцев. Второе – сравнительное. Так, до познания природы вещей количество продуктов **n**, произведенных в условиях **a, в, с**, считалось производительным, а после познания природы вещей, приведшей к производству (**n+m**), прежний труд, затрачиваемый на производство продукта **n**, – непроизводительным. Тем самым характеристика труда как производительного и непроизводительного всегда сравнительная. Просто в первом случае количество труда **n** делится на прямое потребление, а во втором сравниваются условия, в которых произведено то или иное количество продуктов труда.

В обоих случаях осмысленность аутопойетической операции водиться через отношение произведенного продукта, в первом случае к условиям потребления, во втором к новым условиям производства. Рассмотрим их по отдельности.

Так как любой произведенный продукт в конечном счете потребляется, то в идеальном случае количество произведенных продуктов должно равняться количеству потребляемых. Это можно выразить формулой

$$I = \frac{n_{\text{произв.}}}{n_{\text{потр.}}} \text{ }^{32}.$$

Всякое отклонение от данного значения и в случае увеличения, и в случае уменьшения единицы создает социальную проблему. При этом основную проблему создает невозможность точного подсчета $n_{\text{потр.}}$. Эта величина формулируется на основании прошлого опыта, с учетом возможных природных и социальных экстерналиев (стихийные бедствия, война, экономические кризисы и т. п.). Если количество $n_{\text{произв.}}$ можно варьировать в силу целесообразности любой человеческой деятельности, то наступление экстерналиев в лучшем случае поддается лишь вероятностному исчислению и соответственно должно рассматриваться как риски, от которых нужно страховаться, в том числе наращивая $n_{\text{произв.}}$.

Рассмотрим пример передачи продукта труда A для дальнейшей переработки его в продукт потребления A_n . Допустим, у нас есть несколько операций, изменяющих продукт $A_1, A_2, A_3 \dots A_n$, которые производят с предметом труда действия $f_1, f_2, f_3 \dots f_n$, каждая из операций является отдельной профессией в рамках разделения труда и требует для своих операций затрат времени $t_1, t_2, t_3 \dots t_n$. Однако никакого среднего времени, присущего каждой из операций, не существует. Определяется лишь общее время получения конечного продукта, да и оно обусловлено конечным потреблением. Следовательно, представителям профессий предстоит договариваться между собой о качестве получаемого продукта и о времени, когда ему его передадут. В условиях отсутствия товарно-денежных отношений само время становится ресурсом, определяющим цен-

³² В данном случае от качества продукта можно отвлечься, формула верна и для традиционных обществ, и для современных.

ность той или иной профессии в едином процессе производства сложного продукта. Представитель наиболее «ценных» действий **f** может требовать для своего труда наибольшего количества времени **t**. Если допустить, что несколько операций в производстве продукта **A** имеют одинаково «незаменимую ценность», производство продукта **A_n** в условиях разделения труда автоматически будет вести к сравнительно «непроизводительному» труду³³.

Итак, мы видим, что оценка труда как «производительного» или «непроизводительного» относительна и зависит не от природных качеств субъекта трудовых отношений или «материальных» условий труда, а от соотношения моментов, составляющих как единый процесс труда, так и производство и потребление продуктов труда.

5. Временной параметр вводится нами, чтобы количество, обозначенное выше как **n**, получило числовые обозначения. Производительность труда рассчитывается по формуле количества продукции, отнесенной к числу рабочих. Но нам нужно рассмотреть сначала один сложный продукт. Понятно, что на его производство будет затрачена определенная сумма усилий – назовем ее **F**, на эти усилия потребуется определенное время **t**. В таком случае производство данного продукта рассчитывается как отношение

$$\frac{F}{t}$$

Однако, чтобы рассчитать усилия **F**, нам нужно перевести его в те же единицы, которые находятся в знаменателе. Формула расчета производительности труда предлагает использовать такой показатель, как трудоемкость, который описывает зависимость времени, потраченного на производство единицы продукции

$$Tp = \frac{T}{Q},$$

где **T** – общее время, а **Q** – объем единиц продукции).

³³ Это объясняет, почему в традиционных обществах ценность универсализма выше узкой профессионализации. Он «и швец, и жнец, и на дуде игрец».

Тем самым все усилия, потраченные на производство F , мы можем рассчитать в единицах трудоемкости, как того времени, которое мы рассчитываем потратить для получения определенного продукта. Однако заметим, что в случае рассчитывания трудоемкости мы используем обратимое время, т. е. стандартное время трудовых операций, которое повторяется при повторении самих операций (5б), и наоборот, время реально затраченных усилий t – есть время необратимых временных событий (5а).

5б. Когда мы рассчитываем какие-либо будущие трудовые действия, мы исходим из тех наших стандартных усилий, которые, как мы считаем, нам придется потратить на планируемую работу. В этом плане любой продукт труда дан нам как обратимое стандартное время.

5а. Но в реальности мы можем потратить значительно больше или меньше времени, потому что любая трудовая операция всегда протекает в уникальных условиях, которые не всегда возможно просчитать из настоящего.

6. Смысл наших действий в достижении какой-либо цели. Причем сама цель может быть вынесена за скобки. Смысл труда в удовлетворении человеческих потребностей, необходимых для жизни социума. Несколько страницами раньше мы разделили труд для удовлетворения потребностей и труд для создания сложного продукта, настало время их объединить, потому что любой труд производится для удовлетворения потребностей, поэтому мы можем рассмотреть любой труд как единый процесс сложного труда для удовлетворения человеческих потребностей. Единая формула в этом случае будет

$$\frac{n_{\text{произв.}} \times \frac{Tp_n}{t_n}}{n_{\text{потр.}}}$$

Теперь нам остается сделать еще один ход. Если раньше мы рассматривали n как один продукт труда, то теперь мы рассмотрим много продуктов, необходимых для удовлетворения всех необходимых социальной системе потребностей. Назовем их N . Общая формула приобретает вид

$$\frac{N_{\text{произв.}} \times \frac{TP_N}{t_N}}{N_{\text{нотр.}}},$$

При этом процессы в социально-производственной сфере протекают в линейном времени. Процесс производства имеет начало и конец, которые зависят прежде всего от свойств самих вещей, от процессов, происходящих в самой природе. Для расчета трудозатрат необходимо изучить процессы, протекающие в существующей независимо от нас природе, и представить ее в виде ряда задач, которые необходимо сделать за определенное время t . Сам промежуток настоящего время t задается особенностями конкретного предмета труда. А так как в единой формуле объединяются производительные силы, и производственные отношения, то вторые существенно зависят от изменения средств развития производства и прежде всего, в соответствии с Марксом, от развития производительных сил. Технологическая кооперация труда сокращает время общей линейной операции за счет снятия временных стыков отдельных операций в общем процессе производства. «Наука» как объективное описание природных процессов и «технология» как возможность синхронизации субъективных временных усилий в рамках коллективного производственного процесса и составляет сущностное описание данной социальной системы.

Это очевидный вывод, однако, если мы не остановимся на интерпретации только числителя формулы, а предположим, что $N_{\text{нотр.}}$ также оказывает существенное влияние на смысл функционирования социально производственной системы, то мы должны признать, что идеальный случай, при котором

$$\frac{n_{\text{произв.}}}{n_{\text{нотр.}}} = 1, \text{ совсем не идеален.}$$

Допустим, что структура времени удовлетворения первичных потребностей человеческой жизнедеятельности занимает 100 % времени человека, и хотя сами потребности удовлетворяются в той или иной социальной форме, с точки зрения стороннего человека, таким образом организованную социальную жизнь можно

назвать чисто биологическим образом жизни. Так, с точки зрения современного «цивилизованного» человека, жизнь какого-либо первобытного племени, не вступающего в контакт с современной цивилизацией, может выглядеть биологической. Поэтому нам приходится вводить дифференциацию.

При этом, так как мы имеем дело с дифференциацией аутопойетической системы, любое изменение дифференциала в какой-либо части формулы должно сопровождаться изменением дифференциалов других частей. Допустим, что для преодоления проблемы экстерналиев потребления мы решаем увеличить простое производства продукта через экстенсивное наращивание размеров производства, при этом не изменяются ни производительность труда, ни производственные отношения. Если социальные и природные катаклизмы, под которые мы наращивали количество продукта, происходят, социальная система в целом ничего не теряет, если не происходят, весь затраченный труд становится непроизводительным, и чем выше доля этого труда, тем более он влияет на систему в целом. Например, сложности, которые испытывало производство СССР в гонке вооружений в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в.

С другой стороны, наращивание чистого потребления без существенного изменения в производительности труда может приводить к существенным изменениям производственных отношений, хотя в конечном счете это приводит к существенному кризису всей социальной системы. Например, девальвационные процессы в Европе XVI в., запущенные социальными изменениями в Испанском королевстве, и последовавший упадок Испании.

Наконец, существенный рост производительности труда, который происходит через разделение труда, но не сопровождаемый изменениями в механизме производственных отношений, приводит к возникновению социального слоя, недовольного своим положением настолько, что это грозит социальной революцией. Например, Российская Империя в начале XX в.

В то же время мы видим, что снижение дифференциальных показателей в формуле не приводит к существенным социальным катаклизмам. Возникновение экстраординарных ситуаций заложено в само существо формулы. При резком снижении производимого продукта падает потребление и исчезает какая-то дифференциация в разделении труда, но все элементы формулы

остаются в неизменном виде. При исчезновении какой-либо потребности она может быть заменена другой, но если при этом падает и ресурсная база, то замещения может не происходить. Наконец, с развитием мощности одной из производительных сил в системе разделения труда, например машинного производства или современного ритейла, другие элементы производительных сил могут существенно деградировать, но на количество продуктов и потребностей данный показатель может совершенно не повлиять. Собственно говоря, в этом и заключается суть аутопойезиса. Система сама себя воспроизводит и за счет создания механизма автоматической замкнутости операций самосохраняется при неблагоприятных внешних воздействиях. Совсем другое дело возникновение избытка, именно в случаях избытка какого-либо из элементов формулы систему чаще всего ожидают серьезные социальные катаклизмы, которые и приводят к уничтожению этого излишка или большинства.

Конечно, в истории нет предопределенности, и человек изменяющееся существо, рост знаний, в том числе о самом человеке, может способствовать социальному прогрессу. Однако можно сказать, что всякое увеличение в предложенной формуле одного из компонентов без изменения производительности труда, которое происходит за счет разделения труда, чревато социальными потрясениями. Это происходит потому, что именно труд является и элементом системы, и аутопоетической операцией, в силу этого он должен порождать сам себя. Смыслом аутопойезиса в социально-производственной системе должно быть такое свойство трудовых отношений, которое увеличивает производительность труда за счет самого труда. Это возможно лишь в том случае, если соотношение производительных сил и производственных отношений способствует качественному развитию производительности за счет расширения разделения труда.

3.2. Признание. Социально-психологическая система

1. В качестве основной операции в такой системе выступает деятельность, направленная на воспроизводство особи как индивида или индивида как личности. «При объяснении любых психических явлений личность выступает как целостная система таких внутренних условий, необходимо и существенно опосредствующих все внешние условия. Не личность низводится до уровня якобы пассивных внутренних условий (как иногда думают), а, напротив, последние все более формируются и развиваются в качестве единой многоуровневой системы – личности, вообще субъекта»³⁴. Ребенок не рождается готовым человеком, он им становится в результате долгого воспитания и самостоятельного взросления. «Уже в самом младенческом возрасте дети чутко различают основные психологические состояния (радость, гнев, тревогу и т. п.) других людей, прежде всего матери и отца, сестер и братьев. Между тем в этом возрасте у ребенка еще нет представления о собственном Я»³⁵. Оно появляется в результате выделения самостоятельности, собственной индивидуальности в рамках семьи, референтной группы, общества. «Будучи изначально активным, человеческий индивид... становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности. На определенном этапе жизненного пути всякий ребенок становится личностью, а каждая личность есть субъект»³⁶.

Подобно тому как социальность, связанная с продуктивностью, возникает из-за ограниченности продуктивных возможностей отдельного человека (ограниченности сил, времени и способностей), социально-психологическая подсистема отвечает ограниченными возможностями самореализации.

Ведь под привычной современнику регулятивной идеей прогресса, развития лежит более основательно укорененная идея стабильности, баланса, равновесия. Но в рамках отдельной под-

³⁴ Брушлинский А.В. Субъект деятельности и обратная связь // Системные аспекты психической деятельности. М., 1999. С. 162.

³⁵ Филатов В.П. Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2005. Т. V. № 3. С. 77.

³⁶ Брушлинский А.В. Указ. соч. С. 157.

системы социальности возможна лишь частичная и временная сбалансированность. Поэтому чаще можно наблюдать взаимную компенсацию дисбалансов различных подсистем. Несомненно, наиболее пластичным элементом социальности является психика индивида, что приводит к регулярному достраиванию компенсаторных механизмов психологического типа. Но производство таких «психологических заплат» в индивидуальном порядке столь же нерационально, как, скажем, самостоятельный поиск руды, выплавка металла и выковывание гвоздя, чтобы прибить оторвавшуюся доску. Поэтому и складывается процесс общественного производства, накопления и распределения психологических конструкторов – именно он и представляет собой социально-психологическую подсистему.

2. При этом «индивид», в силу объектной определенности, смертен и является крайне неустойчивым элементом, поэтому система создает механизмы для воспроизведения индивидуальностей. «Социальный порядок в конечном итоге побуждает индивидов к тому, чтобы они даже к своей индивидуальности относились как к претензии – претензии на признание и поддержку их стремлений»³⁷. Так на уровне операции социальное доминирование индивида становится моментом аутопойесиса системы.

Массовое производство психологических компенсаторных механизмов допускает построение устойчивого социума, характеризующегося значительным дисбалансом в других подсистемах. Так действует, например, внедрение идеи загробного воздаяния или национального превосходства, идеологического совершенства или «равенства возможностей». В силу же упомянутого стремления к стабильности социально обусловленная психологическая подвижность проявляется в виде *малых* вариаций (так, опросы показывали, что жители Северной Кореи предполагали, что в США «выдают больше риса», а жители США пребывали в убежденности, что в СССР «есть какой-то фондовый рынок»). Именно локально одобряемая малая вариативность и порождает эффект так называемого «менталитета» (здесь характерной иллюстрацией может служить выраженная локальность обычаев, фиксируемая этнографами: в пределах одного класса, например крестьянства, и одного этноса,

³⁷ Луман Н. Социальные системы. С. 354.

например русских, в одно и то же время отношение к одинаковым формам поведения варьирует от скорее одобрительного в одном районе до безусловного осуждения – в другом).

3. Парадоксальность ситуации заключается в том, что социальные и психические системы, по Луману, являются принципиально различными системами, которые невозможно объединить в рамках одной системы и взаимодействие которых происходит через взаимопроникновение, но «взаимопроникающие системы остаются друг для друга окружающим миром» и «взаимопроникновение не ставит под сомнение собственный выбор и автономность системы»³⁸. Поэтому, описывая социально-психологическую систему на уровне аутопойесиса, нам необходимо четко определить, о какой конкретно системе – социальной или биологической – мы говорим. Мы сознательно остановились на этом моменте, чтобы не редуцировать исследуемую операцию к «агрессивности», в терминологии К. Лоренца, хотя сам факт этой агрессивности свидетельствует о существовании в биологическом мире операций, приводящих к выстраиванию иерархического порядка в стае. По отношению к социальным системам речь идет об известной амбигуентности «Я», «то есть стремлении к контакту, наряду со стремлением к ограниченности от других, которая, возможно, составляет психологическую основу этногенеза. Этнографы и историки первобытного общества считают, что система отношений “мы – они” составляет объективную основу всякого этнического сознания и самосознания»³⁹. Сложность и внутреннее единство данного свойства «Я» создает своеобразную операцию полностью соответствующую аутопойесиса данной системы.

С одной стороны, «Я» стремится к признанию своей личности такими же личностями, с другой, понимает свою собственную конечность, в том числе и как личности. В силу этого остается принять за неизменное сам механизм личностного признания и передавать другим в неизменном виде сами стандарты социализации, т. е. личностного признания других. Тем самым сами стандарты отчуждаются и становятся условиями личностного существования

³⁸ Луман Н. Социальные системы. С. 287.

³⁹ Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. 4. Тбилиси, 1985. С. 322.

любого «Я». Если индивид пережил нечто, чтобы пройти обряд «инициации», «вписки», «посвящения» и т. п., то любой другой претендующий на подобное признание себя как члена социальной группы должен пережить то же самое. «Другой», не переживший или не «проживший», не признается равным. Это психологический механизм, стандарты культуры могут ему противоречить.

Так полковой доктор Тихон Фаддеев описывает разрушения бытовых вещей, которыми русские солдаты сопровождают захват прусских территорий в Первой мировой войне, как бессмысленные. «В Катгенау мы нашли ту же самую картину погрома, которую находили во всех германских местечках, оставленных жителями и занятых нашими войсками. И в первую голову страдали музыкальные инструменты. И зеркала. Если не было времени разрушить всю обстановку, так уж пианино-то разбивали обязательно. Обычный вид пианино такой: передняя доска вынута или просто выбита. И механизм совершенно разрушен. Иногда клавиатура с молотками вынута и валяется где-нибудь здесь же с переломанными молотками. Затем разбивали зеркала. И затем уже, если время оставалось, принимались ломать уже остальную мебель»⁴⁰. Ему, культурному европейцу, непонятно это свойство русской «природной души» – категорического неприятия «чужого». «Стремление наших солдатиков к разрушению невольно наводило на мысль, что это – протест низшего класса против класса более обеспеченного и имущего. Разрушая изящную обстановку немецкого бюргера, наш крестьянин как бы мстил за те обиды, которые он терпел в своей жизни от имущих»⁴¹. Но если мы обратим внимание на содержание фильма «Белое солнце пустыни», то обнаружим в нем ту же идею. Герою, красноармейцу Сухову, безразличны дехкане и местные жители, его цель вернуться домой к своим. Пленный гарем ему навязывают обманом, и его цель заключается только в том, чтобы довести его до города. Его борьба с басмачами начинается лишь тогда, когда убивают его подручного, молодого солдата, к которому «бывалый» солдат относится как к сыну. Месть за своих близких и ничего больше – движущая идея поведения положительного героя народного блокбастера.

⁴⁰ Фаддеев Т.Д. Воспоминания о войне. 1914–1915 г. Жизнь на крови. М., 2014. С. 93, 68.

⁴¹ Там же.

Русский человек не питает «ненависти», да и каких-либо других сильных чувств, к представителям другой национальности или культуры, скорее, чужой для него безразличен. «Мы» должны выглядеть, как «я», а «они» – либо как связанные со мной другие участники совместной деятельности, либо как вообще не участвующие в деятельности люди. Отсюда в смысловой дифференциации возникают коллизии похожести «другого» и «непроизводящей» бесполезности. С первыми устанавливается контакт на основании выполнения ими своих профессиональных функций (так военные, спортсмены или полицейские легко находят общий язык, даже когда принадлежат разным культурам), вторые, если не препятствуют выполнению задач интересующей нас деятельности, – безразличны. До тех пор пока их существование не угрожает «нашей» жизни, т. е. жизни таких же, как «Я». Если же угроза приводит к жертвам, могут последовать эксцессы «бессмысленной и беспощадной» мести. Примерами могут служить казнь стрелцов или взятие русскими войсками пригорода Варшавы «Праги».

Видимо, перед нами феномен общинного крестьянского сознания, причем размеры и производительность этой общины таковы, что она с трудом себя воспроизводит. Возможно, мы должны признать, что существуют различные типы социально-психологических систем, функционирующие по принципу объединение / разделение. Существуют такие, которые нацелены на объединение социальности, безусловно задействуя при этом механизмы отделения от «других», например мусульманская умма, объединение евреев в нацию в рамках израильского государства, создание народа США вокруг идей демократии и свободы человека. Существуют другие, которые консервируют уже возникший тип индивидуальности, воспроизводя аутопойезисом тот тип социального, который приводит к строго определенному типу психологических реакций на любое проявление незнакомого. В качестве крайнего случая можем описать племена, живущие на границе Эфиопии и Эритреи, которые убивают любого незнакомого человека, в том числе и принадлежащего к тем же племенам.

4. Человек – существо социальное, как объективно, так и субъективно. Объективно – человек может производить необходимый набор продуктов для своей жизнедеятельности, только будучи членом социума; субъективно – человек воспроизводит себя как

личность, лишь преодолевая объектное отношение к себе, становясь равноправным участником ранжированно организованного социума. Социально-производственные отношения описываются циклом циклом «субъективации – объективации». Борьба за признания себя равноправным субъектом социальных отношений (субъективация) является такой же необходимой потребностью человека, как и первичные биологические потребности человека.

Существует психологическая потребность в самоидентификации, в ответе на вопрос «кто я?». Логически возможный предел ответа на этот вопрос – тавтология «я есть я». (Можно бы и еще упростить ответ до формулы «я есть» в смысле «я есть сущий», но в нынешних условиях гонений за возбуждение религиозных страстей это было бы неблагоразумно.) Есть, впрочем, и реалистический вариант ответа – утверждение имени собственного. Но возможность такой самоидентификации представляется скорее редкостным исключением, чем правилом. Имена, которые можно не дополнять пояснениями наперечет. Так, «Гагарин» – несомненно, такое имя, а вот уже «Феоктистов» – лишь фамилия, присоединяемая для уточнения к имени «космонавт». То есть в общем случае для идентификации приходится обращаться к более или менее сложной родовидовой схеме. Но у задачи утверждения идентичности есть и второй аспект – потребность в признании. Для того чтобы утверждение «я есть X» было чем-то большим, чем интересный одному только психиатру симптом, с этим утверждением должен хоть кто-то еще соглашаться. Решение этой двоякой задачи (самоопределиться и добиться признания этого определения), в свою очередь, двойное: а) в малой группе имя нарицательное приобретает характер собственного (например, «мама» или «учитель»), б) можно идентифицировать себя именем рода, в качестве какового имени может выступать профессия, национальность, пол, темперамент. Первый случай тривиален: структура группы придает смысл такому индивидуализирующему нарицательному имени и обеспечивает его правильное употребление. Второй случай сложнее, ведь, с одной стороны, родовые имена, не являясь случайными, должны откуда-то заимствоваться, а именно из сферы культуры, где они обязаны не только быть сохраняемыми, но и наделяемы определенной ценностью. С другой стороны, психологически убедительное самоопределение при помощи ценностно нагруженных

имен предполагает манифестацию сообразной аффективной схемы (такие имена, как «вояка», неспособный впасть в ярость, или «француз», равнодушный к гастрономическим утехам, были бы лишены способности указывать на индивида, а значит, и не решали бы исходную задачу).

Предметное описание социально-психологических отношений должно указывать нам внешнее и внутреннее по отношению к индивиду, однако важно подчеркнуть, что внешним выступает социальная группа. Таким образом, можно утверждать, что в процессе воспроизводства личности принципиально наличие группы, признающей данного индивида личностью. Если мы рассмотрим ситуацию возникновения такой группы, то ее выделение сопровождается возникновением этоса. Этос – форма группового поведения, сплав этических норм и эстетических предпочтений, поэтому вновь возникающая группа состоит из индивидов, разделяющих групповые нормы и ценности. Для этоса также важно, что он противопоставляет свои ценности ценностям других групп. Этос одновременно утверждает какие-то нормы поведения и оценки как правильные в противоположность другим этосам и одновременно взаимодействует с другими группами по поводу сравнения этосов. Само понятие этоса вводится для обозначения двух процессов: 1) социализации индивида, т. е. приобщения индивида к какой-либо группе людей, 2) отделения индивида от других индивидов в качестве члена выбранной им группы. При этом, в отличие от традиционного общества, современный урбанизированный человек получает определенную свободу в выборе этоса, ведь «значимые социальные группы выделяются на основании множества факторов – классовой принадлежности, политической ориентации, профессии, этнической принадлежности, происхождения из того или иного региона, предпочтений в религиозной сфере, возраста, пола»⁴².

5. В отличие от линейного измерения процессов в социально-производственной сфере социально-психологические процессы по большей части нелинейны. Сами психологические отношения дискретны, и их «объективная» оценка во многом зависит от результатов прошлой оценки, того субъектного состояния, которого член социума достиг на предыдущем этапе своей со-

⁴² Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. С. 198.

циализации. Это приводит к тому, что разные отрезки социально-психологических процессов мы оцениваем и измеряем по-разному. Например, отношение «ребенок – мать» на начальных этапах детства для матери и ребенка важнее и значимее для процесса субъективации ребенка, чем отношения между мужчиной и женщиной, установившиеся до рождения ребенка, или отношения между отцом и ребенком. Тем самым время из объективной величины, существующих независимо от человека процессов, переходит в психологическое время, описанное в «Исповеди» св. Августином. 1. «Настоящее» репродуктивно восстанавливает «прошлое». 2. «Прошлое настоящее» проектирует «будущее». 3. «Проектируемое будущее» определяет «настоящее». Все три момента находятся в единстве, которое определяется «настоящими» (временной аспект этого слова) социальными отношениями, и для каждого из существующих социумов «стандартизированное настоящее» может иметь свою размерность⁴³. **(56)**

5а. Процессы субъективации объектных отношений между людьми всегда происходят при наличии ранжированной предыдущими общественными отношениями структуры социально-психологических отношений. Индивид, добываясь отношения к себе как к личности, с одной стороны, а) вступает в борьбу за определенную позицию в установившейся «до него» иерархии человеческих отношений, б) с другой – отстаивает свои субъектные позиции в «настоящем», т. е. в актуально существующих социально-психологических отношениях. В силу сложной структуры психологического времени, описанной нами выше, усилия, направленные на субъективацию в этих процессах, могут противоречить друг другу. Так, любые усилия и время, потраченное на эти усилия в настоящем, оцениваются не с точки зрения объективно существующих процессов, а прежде всего с учетом репродуктивно восстановленного «прошлого» и проектируемого возможного «будущего». Отсюда два на первый взгляд противоположных психологических феномена: «криминального авторитета» и «умной Эльзы». Демонстрация «криминального авторитета», как мы видим из полемики Усманова против Навального, заключается в воспомин-

⁴³ Отсюда неоднозначность известной поговорки «Время – деньги» за пределами субъектов, ведущих жизнь непосредственных агентов экономически развитых рынков.

нании первым своих «правильных» действий в тюремной камере, происходивших более двадцати лет назад. В то время как эффект «умной Эльзы» связан со сказкой братьев Grimm о молоденькой еще не вышедшей замуж девушке, готовой душевно страдать из-за возможной гибели своего не родившегося ребенка. В самой оценке закрепляется статус субъектно-психологических ожиданий от объективно потраченных усилий. Совпадение оценки с ожиданиями воспринимается как должное. Несовпадение не приводит к изменению оценки, т. к. сама оценка входит составной частью в ауто-поэтическую операцию.

6. Хотя изначально вся социально-психологическая сфера направлена на присвоение индивидом результатов социально-производственных отношений, в том числе и в виде закрепленного за ним ранга в структуре социально-психологических отношений, присвоение чего-либо еще не означает непосредственного потребления данного продукта. Присвоение может приводить к перераспределению продуктов, исходя из коллективно или субъективно понимаемой структуры потребностей социума. Данная операция приводит к возникновению особой символической стоимости потребляемого продукта. Закрепленная в оценке ожидания за действиями, связанными с определенным общественным рангом, она становится «символическим капиталом». В качестве примера можно привести психосоматический эффект излечения от болезней путем возложением рук, приписываемого «истинным» королям английских и французских династий. Если коллективная оценка потребностей происходит целиком в рамках этоса, то субъективное присвоение с использованием ранга с последующим перераспределением в рамках наличного социума. Это создает индивиду, совершающему данное действие, особую ценность, принадлежащую не его статусу, а его личности. Такими оказываются «святые», излечивающие больных, предсказывающие будущее, или «народные герои», о которых сохранила память народная молва. Наличие таких «уникальных» случаев не нарушает ожидаемую повторяемость социально-психологической оценки социальной реальности, но создает расширенный диапазон оценки, при которых одни случаи использования символического капитала оцениваются как «правильные», а другие как «неправильные» и в конечном счете – «несправедливые».

В отдельных случаях мы можем говорить об отчуждении социально-психологической оценки реальности от ее носителя. Достижение личности определенного общественного статуса или ранга переводит индивидуальные черты данной личности в свойства, присущие определенному рангу. Общественные обязанности, присущие аристократу, заставляют его выполнять их вне зависимости от наличия индивидуальных качеств и средств, необходимых для исполнения этих обязанностей. Отсюда особая ценность в общественном сознании фигуры «обедневшего аристократа» как носителя чистого чувства «долга» самого по себе. «Символический капитал» находит высшую форму своего применения, когда, персонифицируясь, перерабатывает индивидуальные черты своего носителя в адекватную ему форму символа. Таким образом, мы видим, что формой отражающих сущность данных отношений становится на начальных этапах «религия», а в более развитой стадии «этика».

3.3. Культура. Социально-культурная система

1. Человек – существо деятельное, т. е. он существует, пока производит какой-либо минимум действий, направленных на сохранение и развитие себя как человека. Для того чтобы эти действия были успешными, нужен определенный набор знаний и навыков. В первом приближении культура – и есть этот набор знаний и навыков. Здесь нам важно подчеркнуть, что вне структуры деятельности культуры как бы не существует. «Чтобы восполнить недостаток информации, требующийся для того, чтобы мы были в состоянии действовать, мы (люди) были вынуждены, в свою очередь, все в большей и большей степени полагаться на культурные источники – аккумулируемый фонд значимых символов»⁴⁴.

Важнейшим элементом возникновения культуры являются принятие другими членами человеческого сообщества определенной структуры «знаний – навыков» в качестве необходимой для себя. Будучи неспециализированными существами, люди постоянно получают из внешней среды вызовы, которые заставляют их

⁴⁴ Гирц К. Интерпретация культуры. С. 62.

искать ответы. Рост плотности коммуникативного разнообразия ведет к нарастанию вызовов и связанных с ними рисков. Чтобы иметь время для ранжирования рисков, люди придумывают стандартные стратегии ответов. Принятие сообществом людей одной из стратегий в качестве общей для данного сообщества означает возникновение субкультуры.

В полном смысле слова институционализация культуры возникает лишь при ее передаче «как ставшего» другому поколению, лишь при ее отчуждении от настоящего и при присвоении ей «вечного» статуса. Культура, ставшая социальным институтом, – это передаваемая от поколения к поколению символическая система ценностей, знаний и навыков, созданная в рамках наличной социальной коммуникации по поводу возможной будущей совместной социальной деятельности.

2. Элементом и вместе с тем операцией этой аутопойетической системы следует признать *обучение*⁴⁵. Но обучение – это не просто акт передачи знания, это сложный имитационный процесс приобретения навыков, которые должны быть проверены на практике, т. е. обучение – это операция, подтверждающая в результате и правильность знания, и правильность процесса обучения. Здесь мы можем выдвинуть гипотезу, что все традиционные высокие культуры реализовались в силу того, что создавали свои системы образования. Китайская система обучения с наличием единого государственного экзамена и последующего трудоустройства на административной должности тесно связана с системой гуманитарного образования. Мусульманскую культуру невозможно понять без системы медресе, исламских университетов, и особой роли в этом образовании арабской филологической традиции и самого арабского языка. Европейское образование органически вытекает из системы университетов, созданных в XII–XIV вв., латинского языка и адаптированной к христианству философии Аристотеля. Даже реформация не изменила это положение дел. Система иезуитских колледжей и протестантских университетов с одинаковым пиететом в качестве не противоречащих священным текстам знаниям на первое место ставила философию Аристотеля.

⁴⁵ Собственно, значение латинского *cultura* может быть *возделывание, воспитание, образование*.

Однако все изменилось в Новое время. Для военного, коммерческого, инженерного и практического использования потребовался новый тип знаний, основанный на непосредственной эмпирической проверке. Вслед за этим возникла и новая наука, и новый тип образования – политехническое.

Приведенные примеры показывают, что автономность операции, в результате которой возникает социально-культурная система, основывается на практической проверке полученного знания. До тех пор, пока традиционная система образования обеспечивает «успешность» последующего существования социальной группы, разделяющей определенные образовательные стандарты, никто эту систему изменять не будет. Лишь поражение в конкурентной борьбе заставляет проигравшую сторону создавать параллельную систему образования, копирующую элементы более «успешного» соперника. Возможно, что создание в Московском царстве Греко-латинской академии в середине XVII в. было обусловлено успехами униатской религиозной реформы в Восточной Европе и созданной в ее результате местной системы образования. В этом плане вне «использования» культуры не существует, и именно потребление в конечном счете позволяет культуре существовать автономно.

3. Искать в биологическом мире культуру – пустое занятие, но довольно легко можно найти обучение со схемами имитационных игр. Однако человеческая культура выходит далеко за рамки обучения необходимым для непосредственной жизни навыкам, что ставит перед нами очередную интеллектуальную задачу. Безусловно, произведения великих композиторов, художников, плоды трудов ученых составляют некий результат культурной эволюции человечества. Однако признание этих произведений зависит от наличия общей для творца и потребителя символической системы, задающей ценностные ориентиры. Вновь созданные произведения сами становятся элементами этой системы и задают тем самым самореферентные отношения, являющиеся признаком аутопойесиса. Люди не только создают произведения культуры, они создают образцы, на которых обучаются культуре другие люди. «К такого рода явлениям относится и социология (часть общества), выстраивающая свои теории, при том что сами эти теории являются коммуникативными актами, а следовательно-

но, представляют собой такое же общество. И теория познания, анализирующая науку, сама является таковой и участвует в построении науки»⁴⁶.

Понятно, что если мы сравниваем между собой образцы длительного времени отдельно существующих независимых друг от друга высоких культур, то иногда напрямую такую операцию произвести достаточно сложно⁴⁷. Безусловно, все культуры имеют какие-то общие черты, но в развитых культурных системах эталонные образцы, закрепленные в образовании, могут расходиться достаточно далеко. Так, традиционные китайская музыка, поэзия и живопись, несмотря на то, что это «музыка», «поэзия» и «живопись», существенно отличаются не только от новоевропейских, но и от мусульманских образцов. Но даже в рамках одной культуры временные трансформации могут приводить к состояниям «непонимания». Так, люди современной городской субкультуры вряд ли смогут пережить состояние «греха», как его переживали культурные люди XVII или XVIII вв. Таким образом, культуры не только объединяют людей, создавая систему коммуникативного взаимодействия, развитие культуры, даже в своих высоких образцах, разъединяет людей. Самореференция результатов культурного развития делает каждую из высоких культур замкнутой, и это наглядное свидетельство аутопойезиса социально-культурной системы.

4. Объединение людей в устойчивые социальные группы и разъединение их по группам на основании культурных изменений является историческим фактом. Достаточно вспомнить возникновение религиозных объединений или упрек современным россиянам, что они де не разделяют культурные общеевропейские ценности и установки, присущие большинству жителей Большой Европы⁴⁸. Какие же потребности приводят к возникновению устойчивых культурных объединений людей? Принято считать, что культура пронизывает все человеческие отношения, – мы с этим не согласны. Нет культурной коммуникации между чернокожим рабом и белым рабовладельцем, палачом и осужденным, маньяком и его жертвой, хотя оба члена

⁴⁶ Антоновский А.Ю. Никлас Луман: Эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 18.

⁴⁷ См. сюжет рассказа Борхеса «Поиски Аверроэса».

⁴⁸ Здесь не обсуждается истинность данного аргумента, важна его распространенность.

этих оппозиций могут принадлежать к одной культуре (например, христианской). Не всех людей связывают отношения, которые мы называем «социально-культурные». Овеществление межличностных отношений, при которых один из членов отношений превращается в средство удовлетворения потребностей другого, выводит данные отношения за рамки межкультурной коммуникации. Поэтому при предметной определенности необходимо вводить два различия: «бескультурие» и «инокультурие». Отсутствие «культуры» позволяет считать предмет вещью, данной для удовлетворения биологических (наших вещных) потребностей. Ведь к своим потребностям мы также иногда относимся как к потребностям биологического организма. Сложнее с «инокультурием».

Признание «другой» культуры требует усилий по ограничению «своей». Легче всего это сделать на основании признания существования «других» биологических потребностей у людей, живущих в «других» экологических (в широком смысле этого слова) условиях. Признание же «другой» культуры как ограничения «собственно» культурных оснований чрезвычайно сложно в силу невозможности выхода за эти основания. Культурная коммуникация связывает, объединяет личности между собой и направлена на то, чтобы сгладить, нивелировать различия между ними. При этом человек как активный участник данной коммуникации в силу этой активности наделяет «коммуницирующего» с ним субъекта культурными правами, которыми владеет сам (права детей, права животных).

Для решения проблемы «другой» культуры можно рассмотреть модель создания локальных временных культурных сообществ.

Принятая участниками локального сообщества форма межкультурной коммуникации помогает установить между ними культурный контакт, но т. к. время контакта строго ограничено, никакой общей культуры, кроме культуры поведения в данных конкретных условиях, между культурными группами не возникает. Здесь нам важны два вывода. Первый – возможность принятия членами какой-то культурной группы внешних по отношению к ним форм межкультурной коммуникации. Второй – принципиальная зависимость возникающей межкультурной коммуникации от времени своего осуществления. Тем самым видно, что сам человек выделяет внешние и внутренние формы своей культуры и связывает это с фактором времени.

Так, для принятия новой культурной формы необходимо, чтобы:

- члены вновь возникающего культурного сообщества взаимодействовали друг с другом в рамках одной деятельности;

- завершенность совместной деятельности зависела от принятия каждым из участников действий другого как необходимых элементов их совместной деятельности или, говоря словами Дж. Г. Мида, «принятия роли другого»;

- взаимодействующие субъекты ориентировались на успешность данной совместной деятельности для каждого из них.

Выше мы писали, что в первом приближении культура сводится к знаниям и навыкам, которые есть у человека. Теперь мы видим, что важными элементами возникновения культуры являются принятие членами человеческого сообщества «другой» структуры «знаний – навыков» в качестве необходимой для себя. Человеческая деятельность носит целесообразный характер, и в силу этого строится на багаже уже имеющихся у человека знаний. При этом сфера знаний в человеческой жизни всегда шире, чем сфера его собственной деятельности. Для человека, понимаемого сквозь призму культуры, сфера знаний всегда избыточна. Эта избыточность необходима, т. к. человек жестко не приговорен к определенному роду деятельности. Будучи открытым (непредопределенным), будущее человека обуславливает самостоятельную ценность процесса познания и присвоения им культурных ценностей. Но в конечном счете социальная деятельность человека определяет эффективность познания и истинность определенных культурных ценностей. Возникает проблема избыточности знаний или невостребованности культуры.

В детстве, отрочестве и юности мы тратим значительные усилия на получение знаний, которые, возможно, никогда не понадобятся нам в реальной повседневной жизни, например обучение такому сложному мастерству, как музыка. Количество музыкальных школ и число учащихся в них обусловлено музыкальной культурой прошлого и совершенно не учитывает те технологические изменения (в звукозаписывающей и воспроизводящей технике) в современной культуре, которые, возможно, в будущем сделают профессию музыканта анахронизмом. Структура и объем знаний, которые мы получаем в настоящем, обусловлены нашими представлениями

о прошлом, которые мы автоматически распространяем на будущее. Тем самым мы должны констатировать, что наше обучение часто оторвано от реальности.

Казалось бы, что проще. Культура должна отражать те изменения, которые происходят в реальности. Но по своему статусу культура для человека и есть реальность, данная в образцах. Поэтому можно сказать, что человеческая культура – это всегда прошлая культура человечества. Здесь и возникает парадокс: масштабы человеческой культуры и реальной человеческой жизни несоизмеримы. Поэтому культурная несовместимость естественна. Культурные люди, углубляясь в прошлое человеческой культуры, просто не должны понимать друг друга, и никакая коммуникация между ними, основанная на культурном багаже, невозможна. Следовательно, коммуникация возникает не по основаниям культуры, а из-за совместной социальной деятельности в настоящем. А те или иные образцы культуры прошлого привлекаются только в том случае, если они соотносятся с будущим настоящего.

5. Институционализация культурных изменений в принципиальной степени зависит от фактора времени, точнее, от согласования двух времен: настоящего и будущего.

Мы должны разделить вызовы и риски на те, которые появляются и исчезают в настоящем времени, и на те, что имеют циклический характер и в той или иной степени повторяются в будущем. Возникновение культуры как устойчивой стратегии, безусловно, связано с выходом за рамки повседневного индивидуального опыта человека. Признание «Другим» в настоящем ценности твоих «знаний – навыков» происходит вследствие их актуальности в будущем, но ведь в реальности твои «знания – навыки» получены в прошлом. Можно предположить, что культура утверждает свою самоценность тем, что связывает настоящее с будущим, понимаемым часто как вечность.

5а. Или, говоря иначе, с одной стороны, в качестве реально обоснования культуры выступает непосредственное соучастие людей в совместной чувственно воспринимаемой деятельности. Непосредственное переживание нами данного соучастия является фактом, эмпирически подтверждающим действительность культурных связей.

56. С другой стороны, целью данной деятельности является встраивание повседневности в более длительную темпоральную структуру, в идеале в вечность. Но так как «вечность» в своей полноте не дана человеку, в качестве таковой «обожествляется»⁴⁹ одна из отчуждаемых структур настоящего. Это может быть передаваемое в культе религиозное видение мира или отчужденные от решения познавательных задач стандарты научной рациональности, сохраняемые в виде образцов результаты художественного творчества или освященные традицией и охраняемые законами формы социальной жизни людей.

6. Как мы писали выше, сфера знания в человеческой деятельности шире, чем сфера его применения. Это обусловлено тем, что «знание», преподаваемое через организованный процесс обучения, можно получить как бы впрок, на будущее, до начала непосредственной совместной деятельности, в то время как «навык» может быть передан только при практическом применении полученного знания. Тем самым соотношения «знание – навык» в культуре можно в соответствии с терминологией В.С. Степина назвать «геномом культуры»⁵⁰, принимая при этом, что и в реальном геноме сложного биологического организма не все участки гена являются «работающими». Предположим, что у нас имеются три варианта соотношения знаний и навыков в «геноме культуры».

1) Объемы полученного знания соответствуют структуре навыков. Передача знаний встроена в структуру получения навыков, что характерно для образования в системах обучения традиционному мастерству. Институционализация подобных социально-культурных отношений приводит к образованию замкнутых профессиональных сообществ, делящих традиционные общества на устойчивые социальные слои. Операции аутопойезиса в таких системах строго воспроизводят устоявшуюся общественную структуру, и культура как «будущий» проект находит свое воплощение в следовании высоким образцам прошлого, примером может служить «застывшая» традиционная культура средневекового Китая или «развитие» отдельных областей мусульманского права в сообществе шиитов.

⁴⁹ «Обожествление» – в данном случае термин присвоения структуре «настоящего» статуса «вечного».

⁵⁰ *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 27–31.

2) Объем получаемых знаний шире структуры навыка, и передача знания является самостоятельной и самоценной задачей культуры. Реализацию подобного проекта мы находим и в Лицее Аристотеля, и в средневековых западноевропейских университетах. Кажется, что в этой ситуации процессы аутопойезиса и институализации противоречат друг другу. Аутопойезис воспроизводит устойчивую структуру социально-культурных отношений, в то время как институционализация отчуждает определенные культурные формы от конкретных ситуаций, в которых эти формы возникали. Так, традиционные религиозные формы очевидной истинности христианства как божественного откровения, авторитета отцов церкви и, наконец, непосредственного принятия Христа как Бога-человека и возникшие на их основе устойчивые социальные отношения между членами христианской общины в наш век смотрятся как определенный анахронизм, свойственный отдельным чудаковатым личностям. Однако если мы признаем, что институционализация избыточности культурного знания требовала восполнения навыков через операцию аутопойезиса, то многие явления социально-религиозной жизни, такие как еретичество, реформаторство, секуляризация, фундаментализм, могут получить свое объяснение.

3) Передаваемые в культуре знания целиком оторваны от структуры навыка и являются, по существу, знаниями на будущее самими по себе. Конечно, нам сложно представить такую ситуацию. Знание почти всегда практически ориентировано. Однако повсеместное развитие системы образования предполагает возможность такого обучения ради обучения. Полное отсутствие навыка снимает критерий объективности получаемых знаний. Институционализация такого будущего теряет критерий различения «будущего» от «настоящего» и, так как никакого будущего вне структуры настоящего не существует, аутопойезис начинает воспроизводить «повседневность» как вечную структуру. В социальном плане это приводит к появлению пустой социальной формы, которую Л.Г. Ионин называет «культурной инсценировкой»⁵¹. В качестве примера можно привести двух современных идеологов: «русского национализма» и «исламского интернационализма», ко-

⁵¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 215.

торые оба вышли из тусовки, связанной с писателем Мамлеевым. Оба направления выступают как симулякры и не имеют никакого отношения ни к настоящему исламу, ни к национализму.

Что же заставляет все данные формы существовать? Почему человечество не отвергает заведомо «неправильные» культурные проекты? Каждый раз «вечность» культурного проекта дается через форму чувственного восприятия «настоящего». Соотношение двух форм настоящего, «обратимого» и «необратимого», отмеченное нами выше, и составляет ту «живую» форму существования культуры, которую мы ищем.

Проще всего было бы сказать, что сущность культуры заключается в том, что она должна каждый раз возникать во всей полноте «заново», т. е. что каждое поколение должно воспроизводить все богатство предшествующей культуры как своей собственной. Однако, во-первых, мы просто знаем, что данное утверждение не соответствует действительности, и, во-вторых, это утверждение говорит нам о том, что не культурные институты воспроизводят сами себя в логике аутопойезиса, а отдельные люди воспринимают наличную культуру как собственную. На стадии взросления и обучения ребенка именно это и происходит, но вот перед нами взрослый человек, который сам начинает учить детей. В этот момент он критически пересматривает всю прежнюю культуру с точки зрения «обратимого» и «необратимого» настоящего. «Необратимое» настоящее формулируется как особые события предшествующей истории, например победа в войне, революция, принятие важного закона, акт религиозной жизни и т. п. «Обратимое» настоящее утверждает необходимые для современной социальной деятельности правила: этические нормы и регулятивы, эстетические эталоны, бытовое правоприменение и т. п. Оба времени взаимосвязаны и находятся в отношении дополнительности. Например, событие Октябрьской социалистической революции в России оказало влияние на всю последующую культурную жизнь страны в течение нескольких поколений. С другой стороны, смена политического строя в стране в 1991 г. оказала столь незначительное влияние на культурную жизнь, что новой власти пришлось «искать» в истории «события» для утверждения общенациональных праздников. Этим примером мы хотели показать, что в культуре не обязательно побеждают культурные нормы, основанные на «обратимом» настоя-

шем. Скорее, каждое из поколений, разделенное примерно 20 годами, утверждает свои собственные субкультурные особенности, а далее происходит конкурентный выбор новым поколением из существующих в наличии культурных институтов.

При этом нежизнеспособные формы отмирают достаточно быстро, например парткомы на производстве практически сразу после 1991 г. прекратили свое существование. В то время как роль единственной партии в государственном аппарате осталась без изменения, несмотря на смену названия и идеологии этой партии. Можно сказать, что пока есть люди, воспроизводящие определенные традиции, существуют и определенные культурные институты. Так, в деревне переход к новым традициям «культурной советской жизни» зарегистрирован лишь в период 1962–1964 гг. (по готовящимся к публикации данным недавних экспедиций в Воронежскую область). А по свидетельству канадского режиссера Дени Аркана, бытовая секуляризация в канадском обществе совершилась лишь в конце 60 гг. XX в.

Сущность функционирования социально-культурной системы тем самым заключается в двух характерных особенностях: с одной стороны, в постоянном запаздывании кардинальных смен форм культурной жизни по сравнению с критическим переосмыслением этих форм, с другой, с возможностью реставрации тех или иных культурных традиций, например возрождение современного бытового православия в виде поклонения «мощам» или распространение имитационного «исторического» движения «реконструкторов».

3.4. Власть.

Социально-организационная система

1. Власть возникает в любом социуме с целью организации совместной деятельности не только материально-производственного, но и социально-культурного характера. Элементом этой системы является *подчинение* человека. Рассмотренная как операция власть – это способ заставить человека что-либо делать или не делать. Вынесем за скобки способ, которым воздействуют на человека. Рассмотрим власть как силу, заставляющую человека повиноваться. Для этого мы должны взять две силы, действующие

щие в противоположных направлениях. Одна из сил будет иметь природное начало, т. е. исходить от самого человека, назовем ее силой его хотения или, если угодно, «свободой», другая – сила, которая может заставить человека отказаться от данного хотения. Кодифицированная система наказания и есть первичная сила, останавливающая индивидуальное хотение и регулирующая ее. Исторически первыми текстами, позволяющими нам делать какие-либо заключения о характере и свойствах власти, были правовые кодексы. Комплексный характер этой силы, принимаемый человеком добровольно, и есть операция в социально-организационной аутопойетической системе.

2. Однако власть проявляется не только в праве. Разумность в виде добровольности или привычки, выгода в виде полученных средств или уменьшения издержек, страх, не обязательно перед людским судом, – все это может выступать как основа принятия человеком позиции подчинения чьей-то власти. Если мы не можем предположить чего-то единственного для обозначения и измерения силы, заставляющей человека подчиниться, то остается только признать, что власть идеальна как отношение и объективна, т. е. общезначима, как действие. Тем самым власть как операция является той реальной силой, которая связывает человеческие индивиды в социальность, в конкретных проявлениях зависит от различных условий сосуществования данных людей и, будучи автономной, выстраивает организационную аутопойетическую систему.

3. Власть в виде силы, принимаемой добровольно или навязанной обществу в форме необходимости подчинения, получает обоснование в успешной социальной деятельности. Для этого обществом или его отдельными членами (способными удерживать остальных членов общества в повиновении) должна быть принята цель данной деятельности. Мы можем выделить две основные формы властных отношений: первая – властные отношения, направленные на координацию коллективных действий, вторая – операции, направленные на изменение субъекта и объекта власти для наиболее приемлемого их соотношения в рамках выполнения первой формы. Тем самым операциональными компонентами власти выступают: приказ, контроль, учет результата, сравнение с ожидаемым эффектом, смена режима управления и связь этих операций в единое целое. Властные отношения конституируют соци-

ально-организационную систему как систему аутопойетическую и начинают воспроизводить сами себя как необходимый коммуникативный элемент самой социальной системы.

В соответствии с известным определением Никласа Лумана власть – это символически генерализованное коммуникативное средство, нацеленное на снижение непредопределенности действия контрагента, оформленное своим особым типом бинарного кодирования. Но непредопределенность (хотя бы частичная), как отмечал еще Бергсон, является характеристической чертой именно живого. (Будем здесь терпимы к ригористичности тезиса, высказанного до разработки квантовой механики, но не станем упускать из виду и того, что современные теоретики, такие, например, как Пенроуз, уже, в свою очередь, аргументируют недерминированностью квантовых состояний несводимость сознания к автоматизмам.) Но тогда в коммуникативном описании основным действием власти окажется умаление характеристик живого в объекте властвования, в собственном смысле объективация его. Это значит, что в предельном случае власть должна включать в себя способность и готовность вполне лишиться контрагента свойств живого, если иным путем умалить его субъектность не удастся. Ну а в непредельных случаях власть проявляется в посильной частичной десубъективации контрагента. В целом, как видим, коммуникативное описание власти как средства коммуникации согласуется с эволюционным описанием власти как объективации процесса насилия. При этом бинарной оппозитивности как способу кодирования, вводимому коммуникативным описанием, соответствует в эволюционном описании понятие границы между внутренним и внешним, характерное как для биологических, так и для социальных систем.

Продолжая параллельное описание рассматриваемой социальной подсистемы с точки зрения коммуникативного и эволюционного подходов, заметим, что упомянутый выше принцип перераспределения сложности обнаруживается при обоих типах рассмотрения. Относительная изоляция властной иерархии от других аспектов социальности обеспечивает ее устойчивость, причем конституирующий ее принцип насилия, застывая в виде состояния внутри системы, может быть одновременно обращен вовне ее как процесс (например, в виде войны), субъектом которого уже будет выступать весь социальный организм, а не одна только властная

субструктура. Локализация сложности внутри обеспечивает упрощение внешних взаимодействий. С коммуникативной же точки зрения «редукция сложности» необходима для того, чтобы элементарный коммуникативный акт, представляющий собой выбор из множества не необходимых (контингентных) состояний, вообще мог осуществиться, поскольку всякий действитель (даже если предположить у него неограниченную осведомленность и столь же совершенную способность сравнивать) вынужден выбирать, пребывая в необратимом и ограниченном времени. Отсюда потребность в упрощении задачи, в частности достигаемом в представлении о целостном посюстороннем (например, организме или символическом коде), согласованно реагирующем на то из потустороннего, что его касается (то есть прилежит к границе, заданной соответствующей бинарной оппозицией). Простота кода внешней коммуникации вместе со способностью транслировать вовне способность к насилию обеспечивают возможность описывать внешний по отношению к социальному организму мир при помощи бинарной оппозиции «друзья» – «враги», как это делает, например, Карл Шмитт в работе «Понятие политического».

4. Власть создает социальный субъект, соединение людей, способных существовать вместе для общего блага. И если Благо понимать в платоновско-аристотелевском смысле, то власть и есть основание блага. Без объединения людей в социальность невозможно благо. Но объединение возможно лишь при помощи власти. Это не значит, что сама власть – благо. Благом для любого человеческого сообщества является защита и производство (нападение). Защита своей социальности (заметьте, не собственности): жены, семьи, рода, племени, в конечном счете государства от чужого. Производство или нападение с целью добычи для потребления: пропитания, женщин, рабов, денег и всего, что делает твою социальность сильной. Социальность обеспечивает индивиду добычу если не за счет собственного производства, то за счет другой социальности и защиту. Власть – средство, которое обеспечивает необходимые функции выживания для любой человеческой социальности. Совместное производство и защита создает первое различие «свои» – «чужие». От «чужих» врагов нужно защищать «свое» благо, добро. Эта диспозиция легко удваивается «друг» – «враг»; «добро» – «зло» и переносится с внешних врагов на вра-

гов внутренних. Ведь основа власти – ее добровольное признание. «Употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует ничего не делать. Обязательность вмешательства посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует»⁵². С другой стороны, основа власти – сила, принуждающая к подчинению. Поэтому тот, кто признает власть добровольно, – «свой», тот, кого нужно заставлять силой, – «чужой».

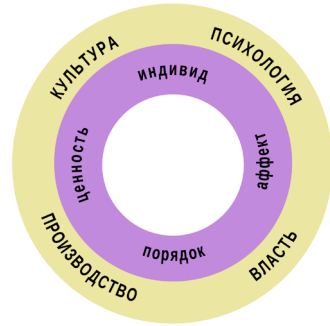
5. Хотя власть в осуществлении тяготеет к настоящему, ее четырем формам: Отца, Господина, Вождя и Судьи соответствуют четыре формы Времени: Прошлого, Настоящего, Будущего и Вечного. При этом если манифестация формы господства представляется принадлежащей собственно властной подсистеме социальности, то три дополнительные фигуры власти указывают на способность власти заимствовать характерные свойства остальных подсистем. Так, власть Вождя апеллирует к аффективности, смещая властную конструкцию в направлении социально-психологической сферы. А поскольку непосредственные переживания являются эмпирической основой образа времени как Будущего, то такой сдвиг означает акцентирование этого вида власти на воображаемом и эмоционально нагруженном будущем. В свою очередь, продуктивная сфера предлагает опыт взаимодействия с продуктом, в котором оказывается овеществлен всегда остающийся в прошлом процесс производства. Таким образом, фигура власти Отца демонстрирует соседство сферы власти с социально-производственной. Наиболее сложным видится вариант устройства власти Судьи, представляющей себя основанной на «вечных ценностях», принадлежащих, вообще говоря, к сфере культуры, непосредственно с властной подсистемой не соприкасающейся. То есть дискурсивное построение, обосновывающее власть Судьи, должно представлять собой более сложную конструкцию, включающую в качестве промежуточного члена отсылку к продуктивности или психологии.

5а. «Власть Отца есть “манифестация” Прошлого, Власть Вождя и Господина “манифестируют” соответственно Будущее и Настоящее»⁵³. «Власть Судьи есть Власть Вечного, противостоя-

⁵² Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 19–20.

⁵³ Там же. С. 84.

щая трем временным Властям...»⁵⁴.
 Четырем фигурам власти соответствуют четыре компонента антропологической схемы: склонность аффицироваться, склонность упорядочивать, склонность формировать системы ценностей и склонность индивидуализироваться. При этом, поскольку как социум в целом, так и отдельные его подсистемы существуют в режиме динамического рав-

новесия, колеблясь около устойчивого положения, темпоральная характеристика каждой подсистемы может быть представлена в виде суперпозиции циклических процессов, характеризующих те антропологические структуры, взаимодействием которых данная подсистема определяется. Аффективность является тем элементом антропологической схемы, для которого характерны наиболее короткие циклы, ценностность, напротив, характеризуется самой долгой циклическостью. Склонности же к упорядочиванию и индивидуации занимают промежуточное положение. Соответственно, виды власти в темпоральном плане окажутся в наиболее простых вариантах основаны на модулировании краткоциклического процесса среднециклическим (упорядочивание аффективности) либо на модулировании среднециклического процесса краткоциклическим (аффицирование порядка), что будет соответствовать тяготению к формам будущего или настоящего времени. Оставшиеся две темпоральные формы власти могут быть описаны как более сложные наложения уже по меньшей мере трех циклических процессов. Например, упорядоченно аффицированная склонность к индивидуации и аффективно упорядоченная склонность к построению систем ценности дадут нам фигуры Судьи и Отца соответственно.

56. Задачи, которые встают перед социальной системой, можно разделить на уникальные, повторяющиеся и циклические. Разница между повторяющимися и циклическими заключена в том, что циклы можно посчитать и, соответственно, подготовиться к их наступлению. Чтобы социальность могла воспроизводиться в настоящем, достаточно правового регулирования. Там, где члены

⁵⁴ Кожев А. Понятие Власти. С. 80.

социальности должны договориться о совместном будущем – возникает политика. При этом задачей политика становится перевод уникального будущего события в стандартный типичный случай. Под будущие события выстраиваются социальные иерархии. С этой целью создается долгосрочное планирование и управление внешними и внутренними процессами. Соответственно политическая борьба ведется: 1) вокруг представления повторяющегося будущего как циклического; 2) вокруг стратегии долгосрочного планирования; 3) вокруг тактики насущного управления.

При этом каждый из этих трех модусов власти характеризуется внутренним противоречием. В первом случае власть силится представить себя моментом естественного порядка, что чревато дезавуированием ее значимости, ведь естественные циклически повторяющиеся события не нуждаются в понукании. Во втором случае власть вынуждена преувеличивать меру своей осведомленности и эффективность имеющихся в ее распоряжении инструментов, представляя себя почти Демиургом, что грозит разоблачением и умалением авторитета. В третьем случае власть обрекает себя на постоянную деятельность, что противоречит самой природе признанной власти, которую неуместно постоянно подтверждать. Чаще всего можно наблюдать регулярное перемещение фокуса внимания, когда, например, неуспех долгосрочного планирования маскируется суетливостью повседневного управления, промахи которого объявляются следствием естественного хода вещей, для исправления которого обращаются к построению далеко идущих планов.

6. Власть – не более чем механизм управления людьми как «природными силами». Являясь элементом социально-организационных отношений, человек одновременно а) подчиняется и властвует; б) создает независимую от себя систему отношений, на основании которых строится объективная система власти (закон, право, политика). Данные независимые формы и выступают наличной сущностью социально-организационной системы.

Особая роль власти Судьи показывает роль права в становлении Власти в чистом виде. Собственно, отчужденная от индивида, существующая без всякого личностного носителя, Власть и является совокупностью правовых институтов. Не зря историки вопроса о наличии государственных институтов начинают с анализа правовых источников. Ставшую систему правовых отношений и

можно считать сущностью социально-организационной системы. Раз возникнув, такая система начинает воспроизводить себя вне зависимости от условий, в которых она появилась. Так, возникновение Франкии VII–X вв. было связано во многом с синтезом галльских поселений, военной силы франков и римским правом, уже прочно утвердившимся в Галльской провинции.

Добровольность принятия Власти, о которой мы говорили выше, как раз и обеспечивается преемственностью правовой традиции. Никто не признает несправедливую власть, но справедливость как раз и устанавливает правовая система, дающая членам социума определенные равные права. Эти права и то понятие справедливости, которое они олицетворяют, люди и начинают защищать как естественные. Аутопойезис социально-организационной системы как раз и заключается в том, что представление о «справедливой» власти формируется как бы независимо от индивидуумов, и наоборот, индивидуумы усваивают данные нормы как «вечные». Самый простой пример: шиитское право, которое реформируется лишь в областях, регулирующих отношения человека и человека, но изменяется крайне незначительно в статьях, регулирующих отношения человека и бога.

По существу, история становления государственной правовой системы и есть история становления властных полномочий в России. «Русская правда», «Стоглав», «Соборное уложение 1649 г.», правовые реформы Петра I и последующих императоров, революционная законность большевиков, становление Советской конституции и постсоциалистические изменения права – реальные шаги развития государственной власти. Вместе с тем, один раз возникнув, те или иные правовые нормы и отношения даже в отменном виде продолжают существовать. Как только люди видят, что вновь созданная правовая система не работает или, работая, производит «несправедливые» решения, они привычно возвращаются к утратившим силу старым правовым отношениям. Именно здесь находится живучесть в российском правосознании «жизни по понятиям», реальность «мести» как правового понятия или тяга к «революционной целесообразности» как силы, способной «быстро решить» очевидные социальные несправедливости современного общества. Характерно, что представители власти в данном случае мало чем отличаются от «народа». Персонификация фигу-

ры верховного правителя и одновременно с этим «служба Родине», кормление с места «службы» и «норма чина», местнический произвол и надежда на «милость» верховного – не более чем этико-правовые нормы предшествующих эпох, архаика власти, сохраненная аутопойезисом системы.

* * *

Существование данных четырех систем по-разному проявляется в жизни человека. Человек одновременно является субъектом и объектом производственных, культурных, властных и психологических отношений. Важно подчеркнуть, что сами системы существуют как самореферентно-замкнутые репродукции человеческого существования. Эти четыре типа отношений связывают людей друг с другом. В отдельных случаях какие-то из них могут отсутствовать. Человек, живущий подаянием, может не работать. Человек, сторонящийся людей и живущий один, может оказаться вне властных отношений. Сложнее представить индивида вне культурных или психологических связей, но можно допустить, что в отдельные моменты жизни человек готов оказаться вне культуры или сознательно разрушить свою личность.

Общество представляет сложную функционально согласованную структуру. Для овладения навыками функционирования в данной структуре индивиду приходится вступать в различные субкультурные сообщества. Можно говорить, что процесс образования социальных групп происходит постоянно в реальном времени. Деление общества на социальные группы может происходить на основании любой из выделенных нами социальных систем. Например, социально-производственные различия могут лежать в основании устойчивого деления древнеиндийского общества на варны, или социальная дифференциация общества может привести к глубочайшим культурным различиям между общественными классами, как это произошло в дореволюционной России, где дворянство и народ принадлежали, по существу, к разным культурам, что часто исключало возможность межкультурной коммуникации между ее представителями. При этом возникает вопрос: что заставляет одни из социальных групп (политические партии,

группы сверстников), исчерпав свои функции, – исчезнуть, а другие – стать основами устойчивого человеческого существования (политические партии, религиозные конфессии)?

Допустив постоянно существующий процесс социализации, мы должны вести критерий незавершенности или завершенности данного процесса, т. е. разделить процессы социализации на 1) те, которые существуют в силу самой социальной организации интересующего нас объекта исследования, и 2) те, которые приводят к результату, изменяющему объект исследования. Деление это носит категориальный характер; ясно, что если для одних людей создание семьи и рождение ребенка изменяет их социальный статус и резко повышает норму социальной ответственности, то для других ни брак, ни ответственность за младенца не изменяет их прежний образ и стиль жизни. Введя данное деление, мы утверждаем, что социальная организация, состоящая из людей, 1) через их рациональность задает смысловые основания своего деления, 2) оценивает правильность данного деления по мере удовлетворения их потребностей. Тем самым социальная дифференциация 1) задается самореференцией общества, 2) имеет объективную основу, полученную в результате исторической оценки.

Признаем, что процесс социализации можно считать завершенным в силу его исторической результативности. Так, если общество нищих позволяет человеку удовлетворить потребность, которую перед ним поставила жизнь, например гарантированно обеспечивает ему пропитание, то со временем может возникнуть постоянный социальный люмпенизированный слой. Будет ли этот социальный слой инкорпорирован в структуру общественного целого, как, например, живущие исключительно на подаяния представители отдельных религиозных конфессий или орденов, или превратится в отвергаемое другими общественными слоями сообщество городских разбойников и попрошайек, зависит от взаимодействия его представителей с конкретным общественным целым, образующим общественное большинство. Этот очевидный «цивилизованный» ответ, принятый современным обществом, к сожалению, порождает не менее сложную систему вопросов.

4. Большинство

Теперь рассмотрим понятие «большинство», к которому нередко обращаются в своих аргументах и дескрипциях самые разные исследователи и общественные деятели. Наш главный вопрос касательно этого понятия можно было бы поставить так: *когда* правомерно говорить о существовании «большинства»? И в какой форме оно существует – как коллективный субъект, как случайная масса, как чисто формальное понятие, как статистическое понятие и т. п.?

4.1. Некоторые сопутствующие понятия и концептуальные ориентиры

1. *Терминологические особенности.* Горизонт логических связей будет определяться рядом базовых терминов: во-первых, А) понятием пространства глобального разногласия и Б) понятием пространства эффективной коммуникации (или интеракции). Мы обратим внимание на то, что эффективная коммуникация «всех (и каждого) со всеми (и каждым)» возможна далеко не только тогда, когда у *всех* участников коммуникации есть общая, *одинаковая для всех* почва общения и взаимодействия. Эффективная коммуникация и взаимодействие возможны даже в ситуации глобального разногласия, коммуникативные (интерактивные) сети которого характеризуются *локальной* общностью позиций и установок, но не произвольных, а обладающих определенной степенью социальной плотности и дистрибутивной сцепленности. Эффективная коммуникация (или интеракция) имеет место, например, тогда, когда имеется возможность образования сети ненасильственных консенсусов относительно обнаруживаемых форм неравенства и социальной асимметрии – и все это в условиях *отсутствия общего, универсально значимого* понятийного знаменателя у социальных групп, повсеместно ведущих локальные переговоры, например, о справедливости, о значимости своих локальных ценностей в контексте всеобщности и т. п.

Во-вторых, мы введем в игру понятия, непосредственно связанные с понятием «большинства», такие как: В) глубина интерпретации концепта, Г) сеть как атомарная форма социального

порядка, Д1) большинство как коллективный субъект, Д2) большинство как результат общности социальных диспозиций (диспозициональное большинство), Д3) чисто формальное (количественное) понятие большинства (т. е. большинство как социальная фикция), Е) понятие «дивидуума» (в противоположность понятию индивидуума) как социальной единицы. Основанием для введения в рассмотрения понятия дивидуума является то, что, во-первых, дивидуумом может быть как отдельно взятый человек, так и определенная социальная единица; во-вторых, даже отдельный человек далеко не всегда является «индивидуумом», так как представляет собой сложное переплетение своих социальных ролей, своих «ников» и псевдонимов, т. е. представляет собой манифестанта своих, зачастую несовместимых между собой, личностных установок, мотиваций, образцов поведения и т. п. (т. е., строго говоря, почти никогда не является ин-дивидуумом в некоем безусловном, вне-временном смысле).

2. *Важные прогнозируемые следствия.* В результате анализа этого понятия ожидается возможность подтверждения (или обоснованного опровержения) ряда гипотез, связанных с морфологическим анализом социального устройства, описанного в терминах бинарной оппозиции большинство/меньшинство и соответствующих сетей.

2А. *(Обоснованность социальных равенств и асимметрий).* Как мы уже сказали, могут существовать такие социальные конфигурации, при которых социум может существовать в режиме глобального разногласия и при этом быть эффективно коммуникативным социумом, т. е. таким, что у каждого «дивидуума» данного социума есть возможность поддерживать прямую и косвенную коммуникацию (и/или интеракцию) с любым другим «дивидуумом»: прямую коммуникацию на основе общих для них оснований, косвенную – через посредство тех лиц и инстанций, с которыми имеются иные (опосредствованные) формы и основания общности.

Разумеется, это не новая идея, и высказывалась она по-разному в разных обстоятельствах. Например, ограничиваясь идеей межличностной коммуникации (что заведомо уже по объему идеи меж-дивидуумной коммуникации и интеракции). П. Рикёр говорит следующее: «На самом деле для философии диалога всегда

соблазнительно ограничить себя только отношениями с другим, которые, как правило, развиваются под знаком диалога между “я” и “ты”... Кажалось бы, только такие отношения заслуживают называться межличностными. Но этой встрече недостает отношения к *третьему*, которое кажется таким же изначальным и простым, как и отношение к “ты”. Этот вопрос обладает громадным значением, если мы хотим представить себе переход от понятия человека способного к понятию *реального субъекта права...*» (курсив наш. – *К.А. Павлов-Пинус*)⁵⁵. Ясно, что вопрос о субъекте права также значительно шире вопроса об индивидуальных правах – именно поэтому-то мы и не хотели бы ограничиваться рассмотрением межиндивидуальных социальных отношений и принять во внимание взаимосвязь любых социальных единиц (дивидуумов), которые так или иначе могут быть субъектами правовых и/или этических отношений. Ясно, с одной стороны, что далеко не любая социальная констелляция имеет характер субъекта (в частности, субъекта права); верно и то, что не во всяких социальных контекстах отдельный человек должен непременно отождествляться одним и тем же «индивидом» в силу того, что, исполняя разные социальные функции и находясь при этом в разных статусах («при исполнении», например), мы имеем дело с неприводимой к общему знаменателю социальной единицей (дивидуумом). Это говорит о том, что всякая «индивидуальность» является условной, искусственной, зависящей от концептуальных рамок, позволяющих или не позволяющих производить дальнейшее дробление соответствующих (ин)дивидных свойств.

Когда мы говорим об эффективной коммуникации или интеракции, то что именно здесь имеется в виду? В частности, и то, что в результате такой коммуникации каждый мог бы тематизировать и ставить под вопрос обоснованность любых обнаруженных форм социальной (ценностной, экономической) асимметрии, выражать свое (не)согласие и иметь возможность (более или менее) равного доступа к социальным институтам, обладающим достаточной социальной силой для ликвидации или утверждения соответствующих форм (а)симметрии. (Примеры легитимных форм асимметрии: северные надбавки, разрешение курить марихуану индейцам, возможность не служить в армии представителям некоторых религиозных конфессий, несовпадение праздничных дней у раз-

⁵⁵ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 34–35.

ных конфессий, ранний пенсионный возраст у ряда социальных групп и т. п. Примеры асимметрий, вокруг которых идут споры о легитимности тех следствий, которые они уже повлекли или еще только могут повлечь: информационное неравенство стартовых позиций на момент начала приватизации в России и, как следствие, споры о несправедливости и нелегитимности результатов приватизации; непрозрачность властных институтов и государственного бюджета, проявляющаяся в отсутствии эффективного общественного контроля над использованием общероссийских богатств; асимметрии периферии и центра и т. п.)

2Б. (*Отсутствие универсальных канонов: сети относительных универсальностей*). Особенным образом хотелось бы выделить следующее обстоятельство. Возможность эффективной коммуникации в ситуации глобального разногласия означает, в частности, что а) нет необходимости в существовании *общей для всех* минимальной универсальной логики (т. е. такой логики, которая с необходимостью лежала бы в основаниях любых форм аргументации, у любых народов и наций, любых социальных групп). Означает она также и то, что б) не обязательно должен существовать минимальный *общий для всех* свод базовых правил для того, чтобы эффективно продолжать кросс-социальную коммуникацию, которого было бы достаточно для обеспечения социально бесконфликтного модуса сосуществования общества в целом. Для этого необходимо и достаточно иметь более слабые формы социальной (и институционально закрепляемой) взаимосвязанности, а именно иметь сети локальных (прямых и косвенных) «подвижных узлов урегулирования», которые хотя и не интегрируются в единство социального субъекта, но все же играют роль универсального схематизма, в разных контекстах дающего различные варианты оптимальных решений. Локальные консенсусы внутри всевозможных социальных констелляций достигаются за счет формирования относительных универсальностей, в силу своей *потенциальной* всеобщности не претендующих по своему статусу ни на абсолютный универсализм, ни на абсолютный релятивизм. Об этом верно сказано у Б. Латура: «Универсалисты устанавливали только одну иерархию. Абсолютные релятивисты сделали все иерархии равными. Релятивистские релятивисты, более умеренные, но в то же время

более эмпиричные, показывают, при помощи каких инструментов и каких цепочек создаются асимметрии и равенства, иерархии различия... Реляционизм будет служить органом всемирных переговоров, касающихся относительных универсалий, которые мы создаем на ощупь»⁵⁶.

Наверное, основным примером такого рода социальной организации является современная наука, шаг за шагом превращающаяся в Большую науку. Этот фактор нельзя недооценивать. Население земного шара, в силу своей возрастающей добровольной зависимости от научно-технических достижений, а также в силу своей вовлеченности в процесс научно-развлекательного всемирного краудфандинга, вынужденным образом превращает всех и каждого в «маленьких исследователей», «маленьких экспертов», причем во все больше и больше разрастающемся множестве «научно-технических направлений». Ясно, что этот процесс будет максимально эффективным (а к этому стремится большая часть современного мира) именно тогда, когда все население мира будет выстраивать формы своего общежития по тому или иному типу Республики ученых, поскольку именно эта форма социальной организации в наибольшей степени соответствует развитию науки. Традиционные формы проведения границ между людьми будут отходить в прошлое – людей будут разделять транснациональные границы между «потоками интересов», виртуальные границы между виртуальными мирами, а не традиционные геополитические выкройки территориального межвания.

2В. (Не-субъектно организованные социальные акторы). Понастоящему значимым социальным актором является не «большинство» (обычно понимаемое как большинство неких индивидуумов), а статистически значимые сети «меньшинств» (т. е. социальных групп, имеющих диспозициональный или же субъектный социальный характер), состоящих из интерактивно сосуществующих дивидуумов, объединенных семейством частично общих диспозиций, интересов, мотивов (и т. п.) и готовых либо коллективно *действовать*, либо *противостоять* неуютным социальным действиям. Этот вывод можно будет сделать после того, как будет проанализирована «концептуальная карта» образования и распада со-

⁵⁶ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб., 2006. С. 190.

циальных кластеров и показано, что существенная часть социально значимых концептов, ответственных за образование соответствующей социальной картографии, имеет достаточно большую – и статистически фиксируемую – глубину интерпретации. Этого будет достаточно для того, чтобы утверждать, что *значительная часть социальных кластеров, состоящих из ответственных, рефлексивных (ин)дивидуумов, самопонимание которых включает в себя осознание “большой глубины” тех концептов, которые служат принципом их социальной сплоченности,* фактически представляет собой сеть определенных меньшинств, каждое из которых (потенциально) готово сосуществовать с другими «меньшинствами» по принципу локального урегулирования глобально не-интегрируемого социального пространства⁵⁷.

Изначальная разно-векторность такого рода социально-го устройства, (потенциально) готового существовать в режиме конкурентной не-интегрируемости, имеет и свои политические последствия: «пирамидальная» централизация власти вредна и контрпродуктивна в подобном социуме. Сильная власть и унифицированная власть – это отнюдь не синонимические понятия. Пестрота социального спектра коррелятивна необходимости иметь сильные правовые, исполнительные и силовые структуры. Однако источник их легитимации, равно как и источник финансирования, вовсе не должен исходить из единого «точечного» центра.

3. *Базовые типы «большинства».* То, что определяющим фактором оказываются «сети меньшинств», еще не означает того, что большинство вовсе не существует, или того, что роль большинства социально незначима. Наоборот, самые значительные (и порой самые неприятные) социальные следствия являются результатом спонтанно возникающих и кратковременно существующих «анонимных большинства». Чтобы уяснить вопрос о структуре и значимости разнообразных большинства, необходимо будет обрисовать различные типы сообществ и квазисообществ, допускающих внутри себя возникновение и распад разнообразных большинство. Главные типы социального структурирования, осуществляемого в терминах большинство/меньшинство, выглядят так.

⁵⁷ См.: *Доронина Т.В.* Возрастные и индивидуально-типологические особенности восприятия пространственно-предметных сред: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

(Тип 1) *любое* «большинство» в данном (квази)социуме является *чисто формальным*. Это атомизированное квазиобщество. Простейший пример: толпа на вокзале, состоящая из провожающих, уезжающих, приезжающих, бомжей, лавочников и т. п. Тем не менее толпа на вокзале представляет собой реальную массу людей, в то время как «большинство» вовсе не обязано представлять собой «человеческую массу». Масса и большинство – это лишь частично пересекающиеся формы человеческой множественности. Бывает бессубъектная масса – но это лишь частный случай такого скопления людей, в котором отсутствуют «большинства» как коллективные субъекты⁵⁸. Например: большинство жителей России 1-го января пребывает в похмелie; ясно, что формальный признак «быть с похмелья» не является *социально организующим* фактором, хотя именно этот признак служит основанием для появления некоего «большинства», социально значимого и без труда социологически фиксируемого. К *Типу 1* тяготеют квазисоциумы, в которых преобладают негативные социальные диспозиции (в качестве общих).

(Тип 2) существуют (позитивные) диспозициональные большинства, которые, однако, при этом *неправомерно* характеризовать в терминах *устойчивых* коллективных *субъектов*. Это анархический тип социальной организации со спонтанно возникающими и растворяющимися способами коллективного регулирования частных вопросов. (Пример из советского времени – организующий призыв в очереди за дефицитным товаром: «Больше двух на руки не выдавать!»). Чем длиннее очередь за товаром, тем больше людей, стоящих ближе к хвосту очереди, готовых кооперироваться в соответствии с этим призывом и, соответственно, готовых массово отстаивать этот регулятив как *общезначимый для всех* стоящих в очереди).

Заметим, что, например, существенная часть современной научной жизни протекает именно в «анархическом» режиме: творческой активности свойственно свободно менять карту исследовательских интересов и постоянно реконфигу-

⁵⁸ Верно и обратное: неоспорима историческая роль масс – это значит, что периодически массы становятся коллективно действующим субъектом. Массы существуют в качестве субъектов действия весьма кратковременно – они возникают и исчезают непредсказуемо (Бодрийяр).

рировать сети исследовательских связей и контактов под воздействием как центробежных, так и центростремительных сил. Центростремительные силы, как правило, имеют «имперский» характер, что связано с впечатляющим успехом какой-либо методологии в одной области и стремлением применить эту методологию максимально далеко за пределами исходной области (математизация не-математических дисциплин, редукция индивидуальных феноменов или, например, культурных особенностей к истории и логике социальных или чисто экономических процессов и т. п.). Центробежные силы, наоборот, связаны с тем, что официальные границы институционализированных научных структур далеко не всегда совпадают с реальным ландшафтом творческой активности. Научные сообщества по существу являются (позитивно) диспозициональными, поскольку *общность* мотивов и интересов здесь ограничивается лишь наиболее универсальными принципами, такими как установка на интеллектуальную честность, открытость дискуссий, соблюдение научной этики и т. п., в то время как о спонтанно возникающих и исчезающих различиях (в плане интересов, мотивов, концепций и т. п.) свидетельствует необозримое разнообразие конкурирующих между собой исследовательских программ, проектов, подходов и т. п.

(Тип 3) существуют сообщества, имеющие статус коллективного субъекта (т. е. социального образования, готового принимать решения и действовать на основе общих представлений: например, такая организация входит в саму идею парламента, воинских подразделений или армии в целом, революционизированных масс и т. п.). Тип 3 допускает дальнейшие уточнения: социум, где существует *длительно устойчивое* большинство, и социум, где любое большинство являет собой кратковременную, контекстуально зависимую констелляцию (фракции, коалиции, временные союзы и партнерские группы).

4.2. Элементы социальной комбинаторики

Анализ сложных вещей нужно начинать с разбора простых, если не сказать тривиальных. Начнем с некоторых иллюстраций, рассмотрим задачу: если есть некое сообщество людей, в котором

у *каждых двух человек* на 80 % совпадают интересы и взгляды, то как вы (очень приблизительно) оцениваете число точек зрения и взглядов, *общее для всех* членов данного сообщества?

Более конкретно нашу задачу можно сформулировать так. Вообразите себе условия задачи, что есть некое общество «групп по интересам», состоящее, скажем, из тысячи человек (например, некий «Дом культуры»). В этом обществе есть некий набор «направлений», интересов, установок (например, 11 штук), каждое из которых можно принимать или не принимать, а разбивка по интересам происходит так: каждый волен вступить (или создать) группу единомышленников, которая особым образом чит 10 избранных «направлений», но с сомнением или безразличием относится к какому-либо одному оставшемуся. Для простоты предположим, что каждый человек входит в какую-то одну группу по интересам, благодаря чему все наше сообщество разбивается на непересекающиеся группы. Нетрудно понять, что в этом обществе у *любоых* двух людей, произвольно выбранных, как минимум 9 «ценностей» (т. е. 82...%) обязательно оказываются *общими* для них обоих. Иными словами, в этом обществе *любая пара* собеседников всегда сумеет обнаружить в результате беседы, что не меньше 82 % их «ценностных предпочтений» совпадает. Возникает вопрос: может ли так случиться, что, несмотря на высочайший уровень общности *любоых двух* собеседников, не найдется ни одной установки (интереса), которую разделяли бы *все* члены данного общества? А если такого быть не может, то как можно (с ходу, на уровне интуиции) оценить минимальное количество ценностей, заведомо общее для *всех* людей – приблизительно 5–10 %, приблизительно 10–20 %, приблизительно 20–30 %? Здесь важен быстрый (интуитивный) ответ, а не результат долгих рассуждений.

Несмотря на комбинаторную тривиальность этой задачки, подавляющее число респондентов говорит приблизительно следующее: ясно, что *ни при каком* раскладе не может случиться так, чтобы в данном сообществе не нашлось бы ни единой общей ценности, но вот абсолютно неизбежное минимальное количество общих ценностей (по разным подсчетам) следует оценивать лежащим в диапазоне от 10 % до 30 %. Этот тип ответа означает следующее: те интуиции, которые стоят за обнаруживаемой регулярностью, свидетельствуют о наличии неких социально значимых (и

статистически улавливаемых) «образцов понимания», актуализирующих соответствующую форму ответа. Ведь правильный ответ такой: при данных условиях можно указать *множество* вариантов социальных констелляций, при которых будут отсутствовать какие бы то ни было общие для всех ценности.

В общем же случае, если разрешить варьировать начальные условия задачи, то может оказаться так, что в подобном обществе (в этом условном «Доме культуры») любая идея, или интерес, будет поддерживаться лишь меньшинством, а все типы «большинства» будут иметь характер «негативно-диспозициональных большинства», т. е. объединенных некоей выборкой *негативных* диспозиций. Иначе говоря, может не быть не только *общих для всех* ценностей, но и вообще любая ценность будет «положительно» разделяться только неким меньшинством. И тем не менее у *любых двух* собеседников всегда будет иметься хотя бы один общий «интерес».

Приведем чисто комбинаторные примеры:

Пример 1. Наш первый пример – социум, структура которого выглядит так: а) *любая* «идея» (из заранее фиксированного списка «идей», «ценностей», «установок» и т. п.) разделяется некоторым большинством, б) нет ни одной «идеи», которую разделяли бы *все* члены данного социума, и в) у *двух любых* членов социума есть по крайней мере одна общая для них «идея». Пример очень простой: так выглядит любой социум, который можно разбить на три группы сообществ (Г1, Г2 и Г3, каждая из которых содержит около трети от общего числа людей), и если при этом имеется три «идеи» (или, точнее, три группы «идей», «принципов», «ценностей» и т. п.) И1, И2 и И3 такие, что группа Г1 разделяет И1 и И2, но не разделяет И3, группа Г2 разделяет И1 и И3, но не разделяет И2, а группа Г3 разделяет И2 и И3, но не разделяет И1. Отметим, что у любой пары людей из этого общества общность «установок» не меньше 33 % (одна треть).

Пример 2. Наш второй пример – социум, структура которого выглядит так: а) *ни одна идея* не разделяется *ни одним из возможных* большинств, б) для любой идеи можно указать некое меньшинство, разделяющее эту идею, и в) для любых двух членов этого социума всегда найдется общая для них двух идея или ценность. Структуру подобного социума можно сконструировать так: если у

нас имеется, скажем, 5 одинаковых по численности групп внутри данного социума и если у нас имеется 10 ценностей (идей, установок), каждая из которых разделяется какой-то *одной парой* групп, но не разделяется *тремя* остальными группами, то мы как раз и получим искомую структуру. Поясним, что число 10 взялось не случайно – это число сочетаний из пяти элементов по два элемента C_5^2 , которое вычисляется по формуле

$$C_5^2 = \frac{5!}{2! \times (5-2)!},$$

где в общем случае число $n! = 1 \times 2 \times 3 \times \dots \times n$, т. е. является произведением всех целых чисел от **1** до **n**.

Отметим, что, в отличие от первого примера, в этом случае общность «установок» у любой пары представителей не ниже 10 %.

Это два крайних (и простейших) случая разбиения социума на большинства/меньшинства с определенными наборами позитивных и негативных диспозиций. В первом примере социум «состоит из» определенных позитивно-диспозиционных большинств (потенциально могущими быть коллективными субъектами, способными принимать решения и действовать на основе общих для них ценностных оснований), хотя при этом весь социум в целом таким «большинством» не является, поскольку нет ни одной «ценности», позитивное или даже негативное отношение к которой явилось бы *общим для всех*. Во втором примере в социуме не наблюдается ни одного позитивно организованного большинства (все большинства организованы по негативному принципу, т. е. по принципу отрицания каких-то определенных идей и установок), и весь социум в целом тем более не является ни позитивно, ни негативно организованным сообществом.

Комбинаторика позволяет строить и иные социальные констелляции, где распределение установок, ценностей и идей происходит по значительно более сложным схемам. И дело здесь не в отвлеченно-теоретических возможностях комбинаторики, а в том, что эти теоретические конструкции по сути являются *эмпирической оптикой*, позволяющей усматривать в различных социальных явлениях такие структуры, которые являются подлинной движущей силой их морфо-динамических изменений.

Почему важно понимать, что социальная топология, задаваемая оппозицией большинство/меньшинство, может оказывать существенное влияние на реальную картину социальных сил? И почему важно понимать, что спектр типов социальных констелляций, возникающих на том или ином «концептуальном» основании, может быть достаточно широк и состоять из несводимых друг к другу форм социальной упорядоченности? Ответ таков: без четкого понимания принципов и форм социального упорядочения невозможно ни эффективно со-участвовать в управлении, ни эффективно прогнозировать развитие таких мульти-динамичных социальных образований, как наука, гражданское общество, транскультурные связи и сообщества и т. п.

Если из-за сложности ответа, а, как мы видим, подсчитать большинство, не имея единого количественного инструмента, – задача высокой степени сложности, общество не может найти выход в прежних системообразующих кодах, оно создает новую подсистему. Скорее, даже не создает (всегда, когда мы ссылаемся на первую древнейшую профессию, то сознательно вкладываем в свои слова экономический смысл), но начинает использовать такой экономический инструмент, как деньги, в качестве единого для всех видов социальных систем критерия подсчета и сравнения.

5. Деньги

Такой вновь возникшей социальной системой, существующей наряду с четырьмя вышеописанными и связывающей их все между собой в единое целое является **социально-экономическая система**. Она не принадлежит к числу первичных аутопойетических систем. В принципе, общество может существовать и без этой системы, чего невозможно сказать о четырех предыдущих. Но современное общество в своем развитии подчиняется действию именно этой системы. Она связывает все системы между собой, при ее помощи осуществляется конвертация результатов, полученных в одной системе, в условия, облегчающие или усложняющие действия других аутопойетических систем. Скорее, мы имеем дело с особым видом аутопойесиса.

1. Его элементом являются деньги, операцией – платеж.

2. «Платеж есть аутопойетически элементарный процесс, последняя неразложимая далее коммуникация, образующая систему. Сам по себе платеж есть не что иное, как обеспечение дальнейшего платежа»⁵⁹.

3. Платеж обеспечивает непрерываемую операцию обмена, но сам платеж должен быть мотивирован. Благодаря этому «экономическая система является самореферентно-закрытой... Однако тем самым обозначается лишь половина смысла операции. Платежи всегда требуют встречного движения обмена благ, услуг или иных денежных величин. В этом отношении смысл операций, в конечном счете, указывает на окружающий мир – на вещи, деятельность, потребности»⁶⁰. Последнее показывает, что экономическая система не только самореферентна, но и инореферентна и является как закрытой, так и открытой системой, в зависимости от условий, в которых ей приходится функционировать.

4. В качестве самореферентно-закрытой системы экономика описывается моделями общей теории экономического равновесия Нобелевских лауреатов по экономике 1972 г. Кеннета Дж. Эрроу⁶¹

⁵⁹ Луман Н. Социальные системы. С. 596.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов об экономике. М., 2005. С 51–80.

и Жерара Дебре. На основании кривых безразличия Эджуорта (1881) – Парето (1909) и модели общего равновесия Хикса (1939) – Самуэльсона (1947) при помощи математической модели компактного выпуклого множества К. Дж. Эрроу (1951) доказал, что «распределение ресурсов, эффективное в смысле Парето, может быть достигнуто в качестве конкурентного равновесия рынка, понимаемого так, что можно найти цены и подходящее начальное распределение ресурсов, при которых каждый индивидуум достигает своего уровня удовлетворения при минимальных затратах, каждая фирма максимизирует свою прибыль, а все рынки находятся в равновесии в обобщенном смысле, допускающем равновесие в угловых точках»⁶². Влияние данной теории на современную экономику трудно переоценить. Отрицание неизбежности глобальных экономических кризисов перепроизводства в условиях свободного рынка оказало огромное влияние на развитие современных финансовых инструментов и становление глобального финансового рынка капиталов, который в конечном счете определяет основное содержание современной эпохи – финансово-экономическую глобализацию. Ведь если индивидуумы и фирмы могут достичь максимализации своей эффективности и прибыли, не нарушая рыночного равновесия, то почему этого не могут достичь более крупные игроки: такие, как международные корпорации и отдельные страны в условиях открытого рынка международной торговли? Более того, развитие глобального финансового рынка обезопасит его участников в случае отдельных локальных кризисов. Кризисы локальных «пузырей» на рынках акций, недвижимости или технологий приводят к общей устойчивости всей финансово-экономической системы и рассматриваются как проявления устойчивости глобального экономического равновесия.

Однако, несмотря на то, что данная теория была признана стандартной моделью развития современной экономики, сами ее создатели говорили о необходимых условиях, при которых теория Эрроу – Дебре оказывается истинной. Таких условий в своей нобелевской лекции К. Дж. Эрроу насчитал как минимум пять.

Во-первых, «вводится допущение, что функция спроса индивидуумов непрерывна. Трудности возникают в связи с тем, что доход индивидуумов тоже зависит от цен, и если цены тех това-

⁶² Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие... С. 70.

ров, которыми индивид располагает в начале процесса, падают до нуля, его доход тоже падает до нуля. Когда некоторые цены и доход равны нулю, спрос на ставшие теперь свободными товары может тем не менее изменяться скачками, нарушающими непрерывность. Предположим, что в начале процесса индивидум располагает только одним товаром, скажем, трудом. До тех пор, пока цена на этот товар положительна, он может сохранять часть запаса для собственного пользования, но в любом случае он не может использовать его в большем объеме, чем его первоначальный запас. Но когда цена на этот товар упала до нуля, он может предъявить свой спрос на этот же объем труда другим лицам и в любом количестве, которое сочтет нужным»⁶³. Труд человека всегда должен быть оценен положительно другими участниками социума, т. е. в первой социально-производительной системе труд в полном смысле этого слова всегда должен иметь меновую стоимость. Тем самым труд, не включенный в процесс обмена, как бы не существует. Гигантский пласт трудовых отношений, не обусловленных в настоящий момент непосредственной функцией обмена, выпадает при подобном анализе из социальной структуры современного общества, а носители данного труда рассматриваются не иначе, как нахлебники и лентяи.

Во-вторых, допущение конкуренции и общей теории равновесия в случаях с неопределенным исходом. Для подобных случаев мы должны допустить, «что оптимальным для всех участников [системы] является принятие решений одновременно, заранее зная, какое состояние системы на самом деле установится»⁶⁴. Однако «информация о некоторых событиях, даже после того, как они состоялись, не распространяется равномерно среди населения. Два человека не могут вступить в договорные отношения, обусловленные наступлением некоторого события или состояния системы, если только один из них знает, что событие уже наступило»⁶⁵. Данное положение оказывается существенным для самого функционирования экономических институтов. Современное экономическое сообщество поделено на инсайдеров и аутсайдеров (находящихся в системе принятия решений и находящихся вне

⁶³ Эрроу К. Дж. Общее экономическое равновесие... С. 74.

⁶⁴ Там же. С. 75.

⁶⁵ Там же. С. 77.

этой системы), экономические выгоды от положения первых пытаются ограничить административно и юридически, но само это деление обусловлено не чисто экономическими, а властными отношениями в социальной системе. Информация о состоянии системы и положение в управление системой оказываются функциями от социально-организационного устройства общества.

В-третьих, хотя сам Эрроу критикует классический философский утилитаризм Бентама – Седжвика⁶⁶, как только исследование доходит до теории общественного выбора, возникает ряд противоречий, непреодолимых без принятия данной концепции. Так, общественный выбор, основанный на индивидуальных предпочтениях, должен удовлетворять четырем условиям. Первое условие отмечено Бергсоном как условие Коллективной Рациональности. «Все возможные общественные альтернативы должны быть пригодны для ранжирования, и тогда социальный выбор из любого частного множества альтернатив будет альтернативой наибольшего предпочтения из располагаемого множества [общественных альтернатив]»⁶⁷. Второе условие – принцип Парето. «Общественный выбор не заканчивается, пока есть другая допустимая альтернатива, которую каждый участник процесса предпочитает в соответствии со своим порядком предпочтений»⁶⁸. Третье условие – отсутствие Диктатуры. Четвертое условие – независимость от Посторонних Альтернатив. «Социальный выбор, сделанный из любого множества альтернатив, должен зависеть только от индивидуальных порядков предпочтений среди данного множества альтернатив»⁶⁹, и информация о появлении новой, логически возможной, но неизвестно, допустимой ли, альтернативе не должна влиять на ранее принятое решение. Однако в работах Эрроу было показано, что все четыре условия общественного выбора противоречат друг другу. «При любой конституции есть возможность найти порядок предпочтений, который приведет к нарушению одного из этих условий. В одном частном случае это приводит к давно известному парадоксу. Способ принятия решений большинством голосов представляется привлекательным способом общественного выбора. Как

⁶⁶ Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие... С. 57.

⁶⁷ Там же. С. 79.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

и любой другой способ голосования, он удовлетворяет условию независимости от Посторонних Альтернатив, принципу Парето и условию отсутствия Диктатуры. Но как показал Кондорсэ еще в 1785 г., он не приводит к упорядочению»⁷⁰. Тем самым в условиях демократических общественных отношений ранжирование альтернатив происходит не на основании Коллективной Рациональности, а в соответствии с принятой в обществе системой ценностных предпочтений. Принятие же обществом тех или иных систем ценностных предпочтений зависит не от наличия или отсутствия в обществе конкретных социально-экономических отношений, а от функционирования аутопойетической социально-культурной системы этических и эстетических оценок членами общества условий своего существования.

В-четвертых, теория общего конкурентного равновесия показывает, что рыночное распределение эффективно в смысле Парето, «но, как уже подчеркивалось, в этом процессе нет ничего, что гарантировало бы, что такое распределение будет справедливым. Если мы хотим сохранить преимущества рынка и при этом добиться более справедливого распределения, то теория подсказывает, что стратегия изменения начального распределения предпочтительнее вмешательства в процесс перераспределения, происходящий на дальних стадиях»⁷¹. Таким образом, эффективно рыночное распределение совершенно оторвано от представления о справедливости, по существу от морально-этической оценки социальной реальности. Более того, данное размежевание этики и экономики является принципиальным и основополагающим для современной экономической теории. Человек в своем личностном развитии не может не учитывать очевидного факта полного отождествления большинства межличностных оценок индивидуума с его финансово-экономической деятельностью, от которой во многом зависит и его социальный статус. В эпоху финансово-экономической глобализации разрыв социально-этических оценок в процессе психологического становления личности и социально-экономических оценок эффективности индивида снимается за счет маргинализации групповых этических и эстетических норм, оказывающих непосредственное влияние на психологическое становление человека как личности.

⁷⁰ Эрроу К. Дж. Общее экономическое равновесие... С. 80.

⁷¹ Там же. С. 77, 78.

Наконец, пятое – последнее. Теория компактного выпуклого множества С. Какутани, использованная К. Дж. Эрроу для доказательства общей теории экономического равновесия, указывает, что неподвижная точка равновесия будет существовать при соблюдении двух условий: «если для каждого x подмножество $\Phi(x)$ является выпуклым множеством и если $\Phi(x)$ при изменении x остается в некотором смысле непрерывным»⁷². В экономическом смысле эти условия выражаются следующим образом «1) множество возможных векторов затрат – выпусков для любой фирмы выпукло и 2) функции спроса индивидуумов непрерывны». Однако в 1984 г. Дж. Е. Стиглиц сумел показать существование *фундаментальной невыпуклости поверхности ценности информации*. Тем самым информация как один из видов постоянных издержек была переведена в вид издержек непостоянных, и, более того, было доказано, что «при достаточно общих условиях приобретение даже небольшого количества информации никогда не окупается»⁷³. Вслед за этим был сделан вывод, что «невыпуклости, разумеется, порождают разрывы непрерывности, а разрыв непрерывности ставит под вопрос теоремы существования»⁷⁴. Еще раньше в 1971 г. Дж. А. Акерлоф открыл, что отсутствие или узость отдельных рынков (например, рынка капиталов или рынка рисков) оказывает существенное влияние на функционирование всех остальных рынков, которые в этом случае почти никогда не достигают эффективности в смысле Парето. Новая экономическая теория была названа теорией несовершенной информации, и ее создатели получили Нобелевскую премию по экономике в 2001 г.

Открытия Стиглица и Акерлофа не отменяли теорию конкурентного общего равновесия Эрроу – Дебре. Скорее, они показывали ее границы. Становилось ясным, что данная модель не описывает большинства экономических процессов, происходящих в мире. В случае если условия, при которых она оказывается эффективной, не соблюдаются, «на рынках исчезает *совершенная* конкуренция и рынки лучше соответствуют моделям *монополистиче-*

⁷² Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие... С. 67.

⁷³ Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке // Политиком об экономике. Лекции нобелевских лауреатов об экономике. М., 2005. С. 368.

⁷⁴ Там же. С. 369.

ской конкуренции»⁷⁵. Тем самым было показано, что современная экономическая картина мира лишена линейного описания. Обе модели: общего конкурентного равновесия и монопольной конкуренции действуют одновременно. Эффективность той или другой зависит от общего состояния мировой финансово-экономической системы и особенностях ее проявления в отдельных локальных точках. А именно, работает ли социально-экономическая система на развитие рынка, т. е. является ли она по большей части саморегулируемой или ее функционирование подчинено иерархической открытости и она обслуживает первичные аутопоietические системы. Для нас важно признание очевидного факта – экономическая система надстраивается над социальными системами, зависит в своем функционировании от состояния всех четырех социальных систем и в отдельных случаях не перестраивает эти системы, а сама подчиняется их функционированию.

При этом мы не можем выделить, какая из социальных систем оказывает наибольшее влияние на существование и развитие всей социальной сферы. Скорее всего, их взаимодействие является комплиментарным. И при несоблюдении вышеперечисленных условий хотя бы в одной из социальных систем модель конкурентного равновесия для всей системы оказывается неэффективной. Что при этом происходит в экономической сфере, показал П. Бурдьё при анализе взаимодействия классических капиталистических отношений с развитой формой докапиталистической экономики. С одной стороны, «материальный капитал конвертируется в капитал символический, а тот в свою очередь подлежит конвертации в капитал материальный... Экономический и символический капитал так неразрывно связаны между собой, что в экономике добросовестности, где лучшую, если не единственную экономическую гарантию составляет добрая слава, уже одна демонстрация материальных и символических сил в виде солидных союзников сама по себе способна приносить материальные выгоды»⁷⁶. С другой стороны, «накапливаемый группами капитал... может существовать в различных видах; хотя все они подчинены строгим законам эквивалентности, т. е. взаимно конвертируемы, каждый из них производит свои специфические эффекты и только в своих специфических

⁷⁵ Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке. С. 368.

⁷⁶ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 232.

условиях»⁷⁷. Так, в условиях недостатка кредитных инструментов, свойственных докапиталистическим социально-экономическим отношениям, «экономический» капитал действует только в эфемеризированной форме капитала символического. В такой обратной конверсии капитала, составляющей условия его действительности, нет ничего автоматического... Авторитет всегда воспринимается как личная собственность, потому что мягкое принуждение требует от осуществляющего его *расплачиваться собой*. Мягкое господство очень дорого обходится тому, кто его осуществляет, – и прежде всего в экономическом плане. Действуя заодно с объективными трудностями (слабостью средств производства и отсутствием «экономических» институтов), социальные механизмы вытеснения экономического интереса направлены на то, чтобы сделать накопление символического капитала единственной признанной формой накопления, и этого, конечно, достаточно, чтобы затормозить, если не вообще сделать невозможной концентрацию материального капитала»⁷⁸.

Тем самым мы видим, что при условиях, когда функционирование социальной системы направлено на свое простое воспроизведение (что и подразумевается при морфостатическом анализе), аутопойесис систем: 1) воспроизводит основные отношения и характеристики своего функционирования; 2) обеспечивает операциональную замкнутость системы, при которой влияние внешней экономической системы не оказывает существенного воздействия на социальные аутопойетические системы; 3) в силу высокой степени собственной сложности перестраивает определенные реакции на внешние воздействия экономической системы в привычные для своего функционирования отношения; 4) воспроизводит не только основные отношения и операции своего функционирования, но и специфическое отношение к окружающему ее материальному континууму.

⁷⁷ Бурдьё П. Практический смысл. С. 238–239.

⁷⁸ Там же. С. 252–253.

6. Системы. Динамика

Методологической основой нашей работы является современный реализм, представленный в работах Р. Бхискара⁷⁹ и У. Аутвейта⁸⁰, и морфогенетический подход М. Арчер⁸¹. Общим местом в работах большинства исследователей современной российской действительности является утверждение, что наше общество находится в переходе (трансформации) от тоталитарного социализма к посткапиталистической рыночной демократии. При этом сам вектор движения общественного развития не ставится под сомнение. Различными политическими силами, существующими в стране, обсуждаются лишь темпы и конкретная тактическая направленность (атлантизм или европеизм) развития.

Однако, однажды возникнув, общество как сложная социальная система должна существенную часть своих сил направлять на свое собственное воспроизводство. Ведь общество существует лишь постольку, поскольку оно находится в состоянии воспроизводства. При этом процессы трансформации могут противоречить процессам воспроизводства. «Если общество уже сотворено, то любая конкретная человеческая практика... может только трансформировать его; вся целокупность действий людей может либо поддерживать существующее общество, либо изменять его»⁸². Это «либо... либо» является строгой дизъюнкцией, и, как известно, в качестве условия обе ее посылки не могут существовать одновременно. По отношению к современной российской действительности мы также должны решить вопрос, что именно происходит в стране: трансформация или реставрация. Ведь, «приступая к изучению какого-либо социального процесса, необходимо, прежде всего, четко различать, чем является этот процесс по преимуществу: трансформацией или воспроизводством»⁸³. Политические дискуссии вокруг «реформирование против реставрации», развернувшиеся в последнее время на страницах печати, показывают, что данный вопрос не надуман.

⁷⁹ Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 219–240.

⁸⁰ Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 141–158; Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 159–169.

⁸¹ Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Сб. М., 1999. С. 157–195.

⁸² Bhaskar R. The Possibility of Naturalism. N. Y., 1979. P. 34.

⁸³ Арчер М. Реализм и морфогенез. С. 165.

Более того, общественное мнение готово принять подобное соотношение дел, когда реформирования социальной сферы чередуется с последующими контрреформами. Этому нас учит российская и мировая история. Мы даже склонны считать поступательно-возвратный механизм естественным состоянием социальной динамики. Для нас сама природа социального развития обусловлена определенными временными отступлениями назад, и мы не задаемся вопросом, почему так происходит, считая, что причина этого находится в понимании «развития». Однако это не так, поступательно-возвратный механизм социального развития есть функция состояния морфостатической структуры общества.

Ранее упомянутый дуализм социального, в котором, с одной стороны, всегда действуют люди, а с другой – социальные структуры, и последние не сводятся к существующим «здесь и сейчас» людям, создает «несинхронность» структуры и деятельности. «Из-за несинхронности эмерджентных свойств структур и актуального опыта действующих (в силу самой природы общества как открытой системы) нужно всегда иметь в виду два момента. С одной стороны, выявляются свойства (силы) социальной структуры *per se*, с другой, – концептуализируется опыт, т. е. то, что доступно действующим в любое данное время в своей незавершенности и искаженности, что изобилует слепыми пятнами неведения»⁸⁴. Данный дуализм на уровне аутопойетических социальных структур снимается самой операцией аутопойесиса, которая воспроизводит структуру даже на уровне операциональной деятельности. Так, традиционная индийская община (как, впрочем, видимо, и любая другая, работающая не на расширенное воспроизводство, а в основном на потребление⁸⁵) в течение многих веков воспроизводила не только способ обработки земли и распределение имущества, но и культуру, способ самоуправления и даже определенные социально-психологические отноше-

⁸⁴ Арчер М. Реализм и морфогенез. С. 179.

⁸⁵ В этом плане изъятие прибавочного продукта в виде дани, военной добычи, оброка, социального страхования или периодических неурожаев из-за природных или социальных аномалий является самым лучшим консервативным средством социальной системы.

ния ближайших родственников и соседей⁸⁶. Однако, когда мы начинаем рассматривать экономическую систему, мы сталкиваемся с более сложной задачей.

В качестве реальной социально-экономической структуры мы можем рассмотреть рынки и действующие на них силы, в качестве действующих субъектов – агентов этих рынков (фирмы и индивидуумы). Теория совершенной конкуренции исходит из того, что действия агентов рынка являются лишь следствием функционирования законов равновесной системы. Поэтому конкурентная экономика руководствуется невидимой рукой рынка, что приводит к распределению ресурсов, эффективному в смысле Парето, и что каждое распределение ресурсов, эффективное в смысле Парето, может быть достигнуто через механизм конкуренции только при условии соответствующего перераспределения совокупного дохода. Тем самым допускается автономность экономики от этики. «Эта фундаментальная теорема экономики благосостояния⁸⁷ обосновывает как опору на свободный рынок, так и уверенность в том, что проблемы распределения дохода могут быть отделены от проблем эффективности экономики, позволяя экономистам беспрепятственно проталкивать реформы, направленные на повышение эффективности, невзирая на их последствия в области распределения доходов»⁸⁸. Однако, рассматривая случаи, выпадающие из стандартного экономического объяснения в рамках теории общего равновесия, Дж. Е. Стиглиц выдвинул гипотезу об активной самостоятельной роли агентов рынка. «Наиболее фундаментальной причиной того, что рынки с несовершенной информацией отличаются от таковых с совершенной, является то, что *действия (включая отбор) передают информацию, и участники рынка знают это, что в свою очередь, оказывает влияние на их поведение*»⁸⁹.

⁸⁶ Оценка человека в традиционном обществе рано или поздно упирается в вопрос, из какой он семьи. Так, приверженцы шиитской версии ислама всегда подчеркивают, что предки Омейядов не сразу приняли ислам и были в числе тех, кто отвергал учение Мухаммеда. Возможно, что в индустриальную эпоху этот вопрос просто трансформируется в перенос каких-либо свойств личности на национальность.

⁸⁷ Доказавшему данную теорему в 1960 г. Коузу была присуждена Нобелевская премия по экономике за 1991 г.

⁸⁸ *Стиглиц Дж.Е.* Информация и смена парадигмы в экономической науке. С. 395.

⁸⁹ Там же. С. 370.

Предложенная Стиглицем модель информационной асимметрии показывает, что с одной стороны, сами рынки «не обеспечивают адекватных стимулов для раскрытия информации»⁹⁰, с другой – из принятия условия, что «действия передают информацию, вытекает, что при принятии решения “что предпринять” индивидуумы должны исходить не только из того, что им хочется (как это было принято в традиционной экономике), но и того, как их действия повлияют на мнение о них других индивидуумов»⁹¹, что может побуждать индивидуумов ко «лжи». Тем самым экономика оказывается завязана на социальные системы и не может получить своего объяснения вне рамок функционирования этих систем.

Нам остается предположить, что синхронизация такой социальной структуры, как рынок и агентов, действующих на нем, должны происходить в рамках какой-либо из социальных структур. Это может быть возрастающая роль государственного регулирования в контроле над полным раскрытием рыночной информации, как в современном Китае, или корпоративный контроль над информацией, как это происходит в США, наконец, речь может идти об этических ценностях «честности» в современной буржуазной европейской культуре. В любом случае проблема синхронизации должна иметь исторические корни в определенном культурно-социальном контексте.

Попытаемся описать отношение между собственно социальным и антропологическим аспектами структуры социальности, имея в виду в первую очередь подсистему власти, но упоминая по возможности и остальные подсистемы, то есть социально-производственную, социально-культурную и социально-психологическую. Обратим внимание на характерную двойственность, с которой внешним образом описываются проявления власти: с одной стороны, власть ассоциируется с порядком, со способностью упорядочивать, с другой стороны, проявления власти характеризуются аффективным к ней отношением, фиксируемым в таких понятиях, как харизма или авторитет. Власть не может быть просто безличным нормирующим началом, она требует и эмоционального отношения, будь то страх, восторг или почтение. Очевидно, возможны такие состояния властной подсистемы, когда равновесие между

⁹⁰ *Стиглиц Дж.Е.* Информация и смена парадигмы в экономической науке. С. 380.

⁹¹ Там же. С. 385.

этими ее двумя сторонами явно нарушено: власть, неспособную обеспечивать устойчивый порядок, но опирающуюся на сильные эмоции, и власть, не вызывающую сильных чувств, но обеспечивающую протекание контролируемых процессов с регулярностью часового механизма. Очевидно также, что эти состояния сравнительно неустойчивы, неперсонифицированный порядок начинает восприниматься как естественное состояние, что открывает шансы харизматическим конкурентам наличной властной системы, а отсутствие порядка способно порождать аффекты, конкурирующие с теми, на которые опиралась такая впадая в крайность власть. Но склонность к упорядочиванию и способность к аффектации представляют собой два отчетливо различимых и соперничающих элемента антропологической структуры. То есть власти для поддержания своей устойчивости приходится апеллировать одновременно к этим двум сторонам «человеческой природы». Эта двойственность может принимать парадоксальные формы, так, например, когда про времена известного правления апологеты говорят: «был порядок, все боялись», то от расстроенного внимания ускользает очевидная несообразность, ведь ситуация, когда бояться «все», скорее характеризует произвол, то есть нечто противоположное «порядку». Но само указание на двойную – эмоциональную и функциональную – легитимацию власти сохраняется как характеристика подлинной, то есть, попросту говоря, сравнительно стабильной формы властной подсистемы, и любая такая подсистема, просуществовавшая достаточное время, уже в силу самой этой продолжительности непременно будет описываться как сбалансированная, то есть нашедшая приемлемое сочетание порядка и аффекта.

Склонность и способность власти порождать порядки сближает ее с другой подсистемой социального – производственной, ведь она во многом и является результатом целесообразной организации исходной продуктивной способности. Вместе с тем необходимость опираться на аффект указывает на смежность власти с системой социально-психологической. Таким образом, напрашивается схема циклического отношения подсистем: власть – производство – культура – психологическая подсистема. Но прежде чем перейти к конструктивному описанию этой схемы, кратко охарактеризуем социально-психологическую подсистему. На наш взгляд, подобно тому, как социальность, связанная с продуктивностью, возника-

ет из-за ограниченности продуктивных возможностей индивида (ограниченности силы, времени, способностей), социально-психологическая подсистема возникает из-за ограниченных возможностей самореализации.

Если снова применить «эволюционный» схематизм, можно сказать, что неравно распределенная чувствительность, как биологическое свойство конденсируется в социально признаваемый спектр состояний психики от эйфории до отчаяния и от одержимости до апатии, а на антропологическом уровне – в устойчивые психологические конфигурации, называемые темпераментами. Две связанные и при этом функционально противостоящие составляющие антропологической схемы: способность и потребность настаивать на самоидентификации и аффицируемость определяют, таким образом, социально-психологическую сферу, подобно тому, как сферу власти определяли склонности к порядку и к аффекации. И, как и в случае с властью, устойчивость структуры которой требовала одновременной выраженности в терминах порядка и в терминах аффекта, от элементов социально-психологической подсистемы требуется одновременно демонстрировать индивидуализирующие свойства, то есть в конечном счете способность противиться изменениям и аффицируемость, то есть способность переходить из одного состояния в другое.

Еще одна подсистема – социально-культурная – естественным образом замыкает складывающуюся кольцеобразную схему, соседствуя сразу и с социально-психологической в области действия индивидуализирующего компонента антропологической схемы, и, поскольку культура оперирует ценностями, с подсистемой упорядоченного производства ценностей, то есть с подсистемой социально-производственной. То есть культура оказывается результатом эволюции способности различать, неравномерно распре-

ленной в исходном биологическом субстрате и превращающейся в итоге в систему качественных оценок, характеризующуюся значительной устойчивостью. В антропологическом плане характеристика, коррелятивная складывающейся подсистеме культуры, должна, видимо, называться творческой способностью, или, говоря на новоязе, «креативностью». Ну а поскольку познавательная способность является рафинированной версией способности различать, а количественная оценка – сублимацией качественной оппозиции больше/меньше, область науки располагается целиком в социально-культурной сфере, производя более или менее вечные ценности и одновременно с этим определяя социально признанные схемы индивидуации, в соответствии с которыми формируются участники этого увлекательного процесса.

Про социально-производственную подсистему тогда можно будет сказать, что в ней продуктивность как исходное свойство актуализируется в виде процесса производства. Внешней процессуальной форме производственной подсистемы при этом соответствует внутренняя форма – продукт. Постоянный элемент антропологической схемы, порождаемый в том же эволюционном процессе, – это, вероятно, привычка, или, точнее, привычка приобретать привычки. Примечательно, что внутренняя и внешняя форма оказываются здесь противопоставленными как процессуальность объектности. В подсистеме власти ситуация представляется дополнительной: объективированная в виде иерархии агрессивность имеет своей внутренней формой императивность как преобладающий тип властной коммуникации.

Обратимся теперь к описанию динамики социальных подсистем, начиная с представляющей для нас в данном разделе преимущественный интерес подсистемы власти, хотя, вероятно, сходное рассуждение может быть применено и к остальным подсистемам. Благоприятное, то есть устойчивое, состояние власти характеризуется ее признанностью, когда надобность в применении исходного для данной подсистемы свойства (способности к насилию) для сохранения объективированной формы (иерархии) оказывается минимальной. Но это означает, что все проявления признанной власти вплоть до эксцентрических выходов должны восприниматься как «естественные». Признание же некоего порядка естественным открывает возможность его культурного

освоения, то есть качественной оценки, а затем и постижения его законов, научного исследования. Но «познание природных законов» оборачивается «овладением природой», а значит, и перераспределением власти, ведь научное предвидение тоже снижает меру непредопределенности «действий» «природы». Впрочем, это верно не только в отношении науки, но и в более широком смысле общекультурного освоения, ограничивающего меру непредопределенности той инстанции, которая полагается «властью», то есть стремится возможно полнее апроприировать принцип непредопределенности, снижая непредопределенность действий подвластных. (Ведь даже самодуров Олимпа, как предполагалось, можно было умиловать уместными дарами.) Но тогда власть как объективированное выражение принципа субъектности вынуждена либо непрерывно себя утверждать (достаточно вспомнить утомительные процедуры получения и удержания позиции, например, короля-жреца, которые описывает Фрезер в «Золотой ветви»), либо притворяться Природой, что чревато умалением субъектности. Решением этой дилеммы является создание образа мнимой субъектности, *естественным* проводником которой власть представляет себя. В качестве такого «субъекта» может быть представлен «народ», «Бог», «История» и тому подобные номинальные сущности. Но для поддержания впечатления функционирования мнимого субъекта приходится создавать институты, оформляющие проявления этого «субъекта». Институты же приходится создавать из реальных людей и коллективов, имеющих собственные амбиции быть субъектами, обладать долей власти. (Так, если быть неосторожным, может случиться, что глава христианской церкви как имперского института станет диктовать свою волю императору.) Ну а вполне преуспевший в реализации своих амбиций институт, вероятно, станет новой властью, тем самым открывая следующий цикл становления, мимикрии, упадка и замещения. Альтернативой нескончаемому круговращению этой диалектической машины «господин/раб» является умышленное умаление властью своей субъектности, например, в виде правовых ограничений или делегирования полномочий. Мыслимым пределом реализации этой тенденции является окончательное выравнивание потенциалов субъектности, а значит, исчезновением самой властной подси-

стемы социальности – своего рода аналог «тепловой смерти Вселенной». Следовательно, благоразумие диктует власти смешанную стратегию, когда, чередуя концентрацию и распыление субъектности, она продлевает свой век.

Стратегическое маневрирование властной подсистемы ради самосохранения, состоящее в чередовании усилий по сокрытию себя за мнимыми субъектностями с инфляционно/дефляционными циклами ослабления и усиления собственной субъектности, может оставаться эффективным до очередного существенного технологического сдвига. В наше время по мере того, как развивающиеся технологии увеличивают мощь отдельного человека или группы людей, вырисовывается новая возможность: формирование нового, уже не вполне мнимого, а отчасти реального квазисубъекта – знания. Ведь знание, пользующееся реплицируемостью и компактностью информационного субстрата, демонстрирует «склонность» и к самосохранению, и к распространению, что позволяет видеть в нем аутопоэтическую систему и усматривать его собственную программу действий, подобно тому, как в концепции «эгоистичного гена» собственная программа приписывается геному. А очевидная настороженность, которую проявляют существующие структуры власти традиционного типа (например, государственные власти) в отношении основанных на новом знании технологий, таких, скажем, как стойкая криптография, представляется симптоматичной. Здесь будут показательными примеры попыток властей США предотвратить распространение системы шифрования PGP или попыток властей РФ криминализовать использование криптовалюты Bitcoin. Более архаичные властные системы могут обоснованно опасаться даже таких технологий, как искусственный язык общения (в СССР были гонения на эсперантистов) или среда электронной коммуникации как таковая (в КНР для ограничения пользования Интернетом внедрили «Великий китайский фаервол»).

Представляется, что основное противоречие теперешнего этапа истории состоит в том, что экономическая подсистема *стала* глобальной, а остальные нет. Корректировать этот дисбаланс можно, подстраивая другие подсистемы (именно такой попыткой был «мультикультурализм», как, впрочем, и кантианская по происхождению идея мирового правительства, застопорившаяся ныне в виде неповоротливой структуры ООН). Но, как уже говорилось, потен-

циально наиболее гибкой подсистемой является социально-психологическая. Однако, будучи самой подвижной, она же является (в силу того, что индивид – тоже система, стремящаяся к балансу) и самой инертной, т. е., говоря проще – эластичной. Поэтому можно предположить, что наблюдаемый ныне во многих странах откат в архаику в сферах власти и культуры – неизбежное следствие этой эластичности. Для преодоления этой тенденции потребна *новация* в социально-психологической сфере. Когда-то такими новациями были социальные теории революционных эпох (религиозно-реформаторская, просвещенческая, социалистическая). Возможно, сейчас самое время для чего-то вроде тезисов Лютера, проекта Энциклопедии или Манифеста Коммунистической партии. Правда, следует оговориться, что названные три концепции уже принадлежат прошлому, встроены в социально-психологическую и социально-культурную подсистемы и потому не смогут способствовать их изменению.

7. История. Ответы

В самом понятии «динамика» содержится соотнесенность определенных действий с какой-либо темпоральной структурой. Но так как мы рассматриваем реально существующие социальные структуры и субъектов социальных действий, то не можем рассматривать «время», существующее отдельно от их носителей. «Здесь мы находим ясное утверждение того, что актуальные действующие не несут ответственности за создание той структуры распределения ролей и связанных с ними интересов, в которой им приходится жить. Не менее существенно и принципиальное признание того, что именно состоявшееся в прошлом структурирование ситуаций и интересов обуславливает настоящее таким образом, что деятельность одних акторов оказывается направлена на трансформацию социальных структур, деятельность других – на их стабильное воспроизводство... Воспроизводство берет начало в унаследованных интересах, а не в простой рутинизации. Трансформация не есть неопределенный потенциал всякого момента времени, она коренится в конкретных конфликтах между определенными группами, унаследовавшими конкретные позиции с конкретными интересами»⁹². Одновременно с введением динамики мы вводим и различие интересов, причем не актуально живущих, а создавших данную социальную ситуацию, при которой интересы различных социальных групп оказываются разнонаправленными.

Вводя в схему временной фактор, мы должны обозначить проблему масштабирования темпоральной структуры. По существу, мы должны привязать время к объекту. Но мы говорили о неустранимом дуализме социальной системы, и нам нужно определиться – с каким из времен в данном случае мы имеем дело: с временем структуры или с временем действия. Даже если мы признаем приоритет за временем структуры, нам придется выбирать из реального наличия четырех аутополейетических систем и экономической системы или нужно будет вводить особое социальное время, общее для всех социальных систем. Последнее проблематично. Мы допустим его существование в виде большо-

⁹² Арчер М. Реализм и морфогенез. С. 182.

го времени – «Истории», но не будем рассматривать их в этой работе⁹³. В настоящей главе наш интерес будет ограничен временем действия. Именно действия агентов в условиях информационной асимметрии оказываются основными причинами, нарушающими конкурентное равновесие рынков.

Находясь на рынке в состоянии равновесия, покупатели и продавцы, работодатели и наемные работники, страховые компании и страхующиеся, кредиторы и заемщики осознают информационные последствия своих действий. При этом значительная часть выигрыша участников рынка представляет собой «ренту» – выигрыш одних за счет других. Рассмотрим модель страхового рынка с учетом того, что любые отношения между агентами рынка содержат страховую компоненту. Допустим, что «назначаемая страховая премия связана со средним риском, а следовательно, и со средним уровнем осторожности, а страхуемые представляются индивидуумами с примерно одинаковым поведением. Проблема морального риска возникает в связи с ненаблюдаемостью уровня осторожности. Каждый индивидуум пренебрегает влиянием, оказываемым его действием на премию, но когда все они снижают уровень осторожности, премия возрастает. Неосторожность поведения каждого в отдельности создает эффект негативной экстерналиности для остальных. Эффекты, подобные экстерналиям, возникают каждый раз, когда информация несовершенна и рыночный механизм не полон – а это бывает всегда, и, как следствие, рынки никогда не обеспечивают ограниченной эффективности в смысле Парето. Короче говоря, провалы рыночного механизма являются всепроникающими»⁹⁴. В моменты провалов функционирование экономических механизмов обеспечивается нерыночными методами. Экономическая система становится открытой, и функция обмена использует комплексность, предоставляемую остальными четырьмя аутопойетическими социальными системами. Продукты труда,

⁹³ Проблема исторического времени заключается в размывании темпоральной структуры объекта. Каждый из объектов имеет историю, поэтому переход к обсуждению исторических проблем реформируемого объекта легко переводит обсуждение в область, не относящуюся в сути вопроса, например в геополитику или религиозно-этическое обсуждение особенностей реформируемого объекта.

⁹⁴ *Стиглиц Дж.Е.* Информация и смена парадигмы в экономической науке. С. 398.

властные полномочия, честолюбивые устремления, культурный капитал – становятся самостоятельными позициями бартерного обмена и создают своеобразные социально-экономические отношения, обусловленные предметно-темпоральными характеристиками предложенного для обмена товара. При этом основные рыночные механизмы (кооперации, конкуренции и т. п.) функционируют, но создают отношения и элементы, отличные от продуктов развитого рынка.

Нам остается предположить, что причины поступательно-возвратного хода реформ нужно искать не в далекой истории государства Российского, а в недавних действиях отечественных реформаторов. И сделать последний вывод: как только цели реформ (и, очевидно, группы реформаторов) создания своего собственного монопольного положения на рынке были достигнуты, реформы автоматически прекратились.

Более того, для консервации данного состояния весь прибавочный продукт, направляемый на реформирование, должен изыматься под видом обслуживания реформирования. Проблема не в банальном недостатке средств (как мы знаем из истории, количество богатства не приводит автоматически к его рациональному и справедливому использованию), а в неопределенности объекта реформирования. Так невозможно реформировать страну, промышленность, здравоохранение и другие сферы общественной жизни, выходящие за темпоральные рамки, ограниченные человеческими действиями на структуре объекта. Результатом реформаторских действий, направленных на данные объекты, будет лишь воспроизведение действующих социальных отношений и соответствующих им социальных структур. При этом результатом такого реформирования оказывается не приумножение, а уничтожение социального богатства, и прежде всего в результате длительного неиспользования человеческих ресурсов. Что в конечном счете и произошло в России в результате провала нашего «реформирования». «Предполагалось, что движение к рынку принесет огромный прирост доходов населения. Вместо этого доходы резко упали... число живущих в бедности стремительно возросло с 2 до 50 %. Среди многих аспектов этого провала особо следует выделить один: стратегия приватизации, в которой очень мало внимания уделялось проблемам корпоративного управления... Эмпирические исследо-

вания подтверждают, что страны, которые провели приватизацию быстро, но без создания “хорошего” корпоративного управления, не показали высоких темпов роста»⁹⁵.

Именно в этом, а не в особенностях истории России коренится проблема непризнания легитимности процедуры последней приватизации значительной частью населения страны, именно здесь находится наше отличие от перестройки экономики по китайскому образцу. Создание «хорошего» корпоративного управления позволяет получить полную информацию о деятельности фирмы и позволяет избежать проблем, возникающих из-за расхождения целей у участников рынка, что приводит к следующим результатам. «Менеджеры могут предпринимать действия в своих собственных интересах за счет акционеров, а держатели большинства акций – продвигать свои интересы за счет миноритарных акционеров. Владельцы вследствие информационной асимметрии не только не могут отследить деятельность своих наемных работников и менеджеров (агентов), но даже, как правило, не знают, что эти люди, предположительно действующие по их поручению, *должны были бы делать*»⁹⁶. Реальный опыт российского реформирования продемонстрировал, что именно такой вариант «плохого» корпоративного управления возобладал в нашей стране.

Отсутствие серьезных социальных изменений в пореформенной России ставит не только вопрос об «ответственности» реформаторов. Не менее острым является вопрос о недостатках «теории», на которую опирались реформаторы. Ведь в большинстве своем, мы если и не разделяли отдельных положений реформы, то понимали необходимость социального реформирования, причем в одинаковых с реформаторами понятиях описывающих социальные реалии нашей страны. Поэтому нужно допустить, что не только «лечение» было неправильным, но и «диагноз» мог быть неверным.

Основной теоретической ошибкой предреформенного и реформенного общественного сознания нужно считать буквальное понимание философского принципа «о всеобщей связи всех вещей и процессов», из которого делалась некритическая экстраполяция, что целенаправленные ускоренные изменения в экономических

⁹⁵ Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке. С. 417.

⁹⁶ Там же. С. 404.

отношениях автоматически перестроят социально-производственную сферу, а затем и все остальные общественные отношения. Социально-плановое хозяйство противопоставлялось рыночной экономике, и во введении рыночных отношений большинство населения видело единственно возможное решение накопившихся к 1990 г. социально-экономических проблем.

Однако социально-плановая экономика современного общества в силу своей комплексности не могла бы существовать вне рамок социально-экономической системы. Обращающиеся на этом рынке в качестве платежного средства «честолюбивые устремления» и «властные полномочия» создали чрезвычайно конкурентную среду. «Следует вспомнить лишь о поиске дефицита и о неформальной приобретательской сущности социалистических экономик, чтобы заметить, насколько сильно дефицит при необходимой децентрализации процесса производства приводит к тому, чтобы “противоречия” принимали форму предвосхищающей конкуренции»⁹⁷. Это приводило к тому, что усилия «фирмы», в социалистической экономике «предприятия», были направлены на максимизацию прибыли в виде «властных полномочий» и с их помощью на укрепление своего положения среди других предприятий. Несоциалистические идеи работников Госплана были причиной ускоренного укрупнения предприятий в СССР. Госплан стал в тех условиях рыночной площадкой, на которой происходил обмен властными полномочиями, приводивший к укрупнению собственности, ускоривший процессы монополизации социалистического хозяйства.

Монополия, в свою очередь, создавала неконкурентную среду, используя для этого все подручные средства, в том числе и свое доминирующее положение на рынке труда. Конечно, социально-экономическая система не могла непосредственно перестроить четыре первичные аутопойетические системы. Но она создала условия, в которых эти системы функционировали и воспроизводились. Передача монополизированного социалистического «народного» хозяйства в «частные» руки при отсутствии развитой рыночной конкурентной среды не изменила социально-экономическую систему в нашей стране. На смену люмпен-пролетариату

⁹⁷ Луман Н. Социальные системы. С. 502.

пришли гастарбайтеры и люмпен-менеджеры. Последнее объясняет существующую консервативность социально-производственных отношений. Все остальные аутопойетические системы еще более инертны, меняются медленнее и ориентируются в своем воспроизводстве не на идеологические призывы, а на возможности, которые им предоставляются функционированием находящихся с ними в ситуации взаимообусловленности иных, чем они, аутопойетических систем.

Заключение

Одной из простейших морфологических социальных характеристик, обладающих тем не менее огромной действенной силой (при принятии коллективных решений, в идеологических конструкциях, в процессах формирования прямых или анонимных социальных предпочтений и т. д.), является оппозиция большинство/меньшинство. Простота этой оппозиции обманчива. Анализ способов деления социума на большинство/меньшинство может послужить точкой вхождения во множество значительно более сложных социологических конструкций. Проиллюстрируем это на одном злободневном примере, где оппозиция большинство/меньшинство будет представлена оппозицией народ/враги народа. Так вот, изучая точки зрения разных социальных групп, существующих ныне в России, складывается довольно странное ощущение, что «российский народ = сумма врагов российского народа». Иначе говоря, каждый человек в России попадает в категорию «врага народа» с той или иной социально распространенной точки зрения. Такая ситуация кажется парадоксальной и даже противоосмысленной. Тем не менее, судя по дискуссиям в соцсетях, по перепалкам в транспорте, очередях и прочих местах скопления народа, по обширному спектру противоборствующих мнений в Интернете, этот афоризм, похоже, отображает действительное положение дел, и, стало быть, за данным положением стоит как определенная «логика» рассуждений, так и структурная социальная специфика. Из чего они складываются и в чем состоят?

Социальная специфика складывается из следующих обстоятельств: имеет место сильная концептуальная дифференциация по всем срезам российского социума – т. е. высочайшая степень взаимоотношенности людей, взаимная непрозрачность перспектив и минимальная общность социального опыта. В результате имеет место высокий уровень взаимной нетерпимости, спонтанно порождающей очаги напряженности, тотальное недоверие и готовность постоянно находиться как минимум в оборонительном состоянии. Властная «элита» готова обороняться от своего народа, веря, тем не менее, что в этих жестах агрессивной самозащиты выражает мнение некоего «народного большинства»; представители интеллектуальной элиты продолжают верить, что методом просве-

щения народных масс (вкуче с периодическими революционными вылазками) можно достичь всенародного тождества социального опыта, а значит, и значительного совпадения ценностных (главным образом, политических и этических) ориентиров; рядовые представители силовых структур, бизнес-структур (и проч.) также пребывают в уверенности, каждые по-своему, что экстраполяция их собственного (т. е. весьма ограниченного) опыта на социум в целом является единственно правильной формой всеобщего социального порядка.

«Логика» складывается из двух базовых компонентов: 1) практически во всех случаях считается очевидным полагать, что существует некое большинство (под которым подразумевается некий «настоящий», хороший народ: например, в советское время это были «все настоящие советские люди», или теперь вот «все настоящие русские», «все настоящие патриоты», «все настоящие либералы» и т. п.), к которому, разумеется, считает себя принадлежащим всякий выразитель соответствующего мнения. 2) В средоточии «хорошего», «правильного» большинства существует некое избранное меньшинство (надстройка, или активные группы в соцсетях), фактически представляющее собой некую группу единомышленников, выражающее интересы и мнения *воображаемого* «правильного» большинства и, в частности, имеющее право от имени «правильного» большинства предавать анафеме некое злокозненное меньшинство (называть их врагами народа с соответствующими оргвыводами), как правило, олицетворяемое неким крошечным числом *конкретных* идеологических противников. И теперь главное: поскольку такого рода «избранных меньшинств» у нас наблюдается довольно много и все они мнят себя той самой «надстройкой», которая якобы выражает мнение *воображаемого* ими «большинства», то в итоге имеет место именно тот самый эффект, с которого мы начали: российский народ = сумма врагов российского народа.

Итак, мы видим, как от простейшей оппозиции большинство/меньшинство, содержательно интерпретированной в терминах «народ»/«враги народа», в несколько шагов мы оказываемся в средоточии проблем, по своей сложности и комплексности далеко выходящих за узкие концептуальные рамки изначального социального деления.

Этот социальный феномен находит объяснение в предложенном нами подходе. Трансформация отдельных подсистем социальности должна рассматриваться как момент трансформации социальной систем в целом. При этом специфика конкретных случаев трансформации социума будет определяться степенью согласованности процессов преобразования социальных подсистем. Ведь если рассматривать социум как целесообразно действующую систему, его преобразования, по крайней мере, те, которые не являются вынужденной реакцией на внешние, в том числе катастрофические, обстоятельства, должны приносить выигрыш, пусть и не во всех социальных подсистемах сразу, в том числе, возможно, выигрыш в одних подсистемах ценой проигрыша в других. Вероятны исторические ситуации, когда выигрыш социума не обнаруживается ни в продуктивной, то есть преимущественно материальной, сфере, ни в сфере культурной, но почти исключительно в сфере социально-психологической. Таков, на наш взгляд, баланс результатов революции 1917 г. Если исходить из обычного тезиса, что глубинной причиной революции было тяжелое положение большинства населения Российской Империи, то закономерно ожидать, что заявляемыми целями, а при успехе и достигнутыми результатами должно бы стать заметное улучшение этого самого положения. Но если рассмотреть такой интегральный параметр, как прогнозируемая средняя продолжительность жизни, на который влияют и доступность медицинского обслуживания, и гигиенические условия, и стандарты питания, и просвещение, и усилия по исправлению нравов, и уровень смертности от государственного и криминального насилия, то результаты едва ли можно назвать впечатляющими, а при сравнении не только абсолютных показателей, но и динамики за сравнимые промежутки времени, да еще и с взаимной экстраполяцией найденных трендов – так и вовсе отрицательными. Не столь очевидным будет сопоставление в менее материальной культурно-социальной сфере, поскольку надо будет соотносить, например, значимость большей доступности образования со значимостью снижения качества образования или эффект от снижения клерикального давления на культуру с эффектом от усиления давления идеологического. Однако это не значит, что «большинство» ни в чем не получило однозначного выигрыша. Социалистическая идеология приносила ее приверженцам гораз-

до больше достижений в социально-психологической сфере, чем, скажем, употреблявшийся со сходной целью в дореволюционной России национализм. Ощущать себя частью авангарда всемирно-исторического процесса, несомненно, большая психологическая ценность, чем утешаться тем, что «наша матушка-Россия – всему свету голова». Ну и, справедливости ради, следует отметить, что возможности для реализации индивидуальных амбиций в сфере власти (со всеми сопутствующими рисками, разумеется) революция предоставила значимо большему числу лиц, чем предшествовавшая эпоха. Еще более наглядным примером, вероятно, может служить Северная Корея, где социум на фоне скверных результатов во всем, кроме военного производства (убедительным подтверждением этого положения дел служит ночная фотография Корейского полуострова из космоса), вознаграждается в социально-психологическом плане убежденностью в несравненных достоинствах Чучхе и несокрушимой мощи четвертой по численности армии мира.

Вместе с тем развитие самовоспроизводящихся систем (а мы показали, что подсистемы социальности суть самовоспроизводящиеся) может быть описано и более общим образом. Напомним, что мы приняли, что принцип, лежащий в основании обособления подсистем, в том числе и рассматриваемых подсистем социальности, есть достижение преимущества за счет перераспределения сложности. Этот эффект может быть описан и как повышение устойчивости структуры, локализовавшей сложность ради упрощения внешних взаимодействий, и как ускорение коммуникации за счет использования более эффективного (в силу внутренней сложности) кода, облегчающего выбор из более простого набора альтернатив. Но рано или поздно обнаруживаемое несоответствие упрощенной схемы взаимодействий и непредсказуемо разнообразных вызовов со стороны «внешнего» будет вынуждать систему усложняться вопреки тому, что именно потребность в упрощении была причиной формирования системы. Усложнение системы будет угрожать замедлением коммуникации. Замедление работы усложняющейся системы может компенсироваться инфляцией соответствующего символического кода. Так, инфляция денежной массы предохраняет от превращения капитала в сокровище, вынуждая действующих увеличивать темп экономических транзак-

ций. Инфляция власти как кода, снижая ценность отдельных распоряжений и угроз, вовлекает в процессы властной коммуникации большее число участников (одним из вариантов такого инфляционного процесса является «демократизация»). Обратные процессы дефляции кода также могут противопоставляться сложностному замедлению работы систем, внешне воспринимаясь как системное упрощение и архаизация. Но для того, чтобы говорить об исторической динамике, необходимо объяснить, как в эволюционном процессе поддерживаются антиэнтропийные тенденции, поскольку сам обуславливающий эволюцию отбор энтропиен.

Здесь представляется важной роль технологий. Подобно тому как «седло и стремя создали империи», а книгопечатание породило «индустрию знаний», новые электронные средства накопления, классификации и передачи информации могут привести к очередному эволюционному скачку в социальной структуре. Подобно тому, как земледелие сделало людей сытыми и позволило собирать огромные человеческие ресурсы, стремя сделало пространство исчислимым и преодолимым, а книга сделала разделенных временем носителей знания согражданами «республики ученых» и превратила знание в силу, трансформация, вызванная электронными информационно-коммуникативными технологиями, по выражению одного из ранних аналитиков этого процесса Маршалла Маклюэна, превращает мир в «глобальную деревню». Приспосабливаться к жизни в новом «деревенском» мире вынуждены все подсистемы социальности: и культура, и производство, и власть, и социально-психологическая конструкция. Важно то, что каждый крупный технологический сдвиг снижал эффективность имеющихся системных конфигураций и одновременно давал возможность эволюционной сборки модифицированной версии базовых структур. Так, возможность перемещаться на большие расстояния лишала преимуществ функционально замкнутые компактные социумы, привнося возможность как дальней торговли, так и дальних завоевательных походов, но одновременно стала основой формирования новых социальных конструкций, которые мы знаем как империи древности.

Предположительно, механизм радикальных трансформаций самопорождающихся систем может быть следующим. Вынужденное со временем усложнение условно обособленного

набора функций, каковым и является аутопоэтическая система, противоречит потребности в ускорении селекции и коммуникации как исходному побуждению к ее возникновению. Но усложнение представляет собой добавление новых функций. Поддержание необходимого темпа взаимодействия между возросшим числом функций до поры может обеспечиваться инфляцией обменного кода, а значит, увеличением числа участников взаимодействия и количества транзакций. При этом реакции системы станут менее предопределенными, то есть в каком-то смысле несколько «хаотическими». Ответом на прочитываемые именно таким образом процессы (вроде либерализации политической системы или разогрева экономики) служит в широком смысле дефляция, представляющаяся, например, в виде политической реакции. Инфляционно-дефляционный цикл обеспечивает колебания системы, позволяющей ей сохраняться около некоего равновесного положения, то есть в том числе самовоспроизводиться. Однако противоречие между потребностью во внутренней простоте и потребностью во внутренней сложности при этом остается. Оно может быть снято за счет формирования внутри системы аутопоэтических подсистем. Платой за возврат к простоте (подсистема, вобрав в себя множество функций, уменьшит количество элементов большой системы и число взаимодействий) будет относительная автономизация подсистемы. Примерами случаев образования таких подсистем можно считать: появление сознания в существе вида Номо, становление индивида в функциональном сообществе, установление классовой субструктуры в системе производства или рождение наций в империи. Характерной чертой этого процесса должна оказаться выработка нового кода, специфического для обменов с участием новой подсистемы (что в анализе динамики дискурсивности мы пытались обнаружить в виде дискурсивного перелома). Отношение большой системы с аутопоэтической подсистемой может приобретать характер конфликта, который должен будет привести либо к гибели большой системы (вместе с подсистемами, разумеется), либо к деградации большой системы за счет утраты преимуществ, полученных при образовании подсистем, либо к виртуализации большой системы. Исторический процесс дает примеры всех трех видов развития конфликтов, но, по всей видимости, в игре остаются лишь те системы, которые идут по треть-

ему пути. Примерами такого движения могут служить переходы от Британской Империи – к Содружеству, от клановых традиций как реальности жизни – к развлечению игрой в этнографическую специфику, от денег как избранного, но все же реального товара – к финансовой системе, оперирующей отношениями, трендами и корреляциями, а в недалеком будущем, вероятно, от «виртуальной реальности» как рекламного трюка индустрии игр – к реальной виртуализации жизни сознания.

Список литературы

- Адорно Т.В.* Введение в социологию / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 384 с.
- Антоновский А.Ю.* Никлас Луман: Эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.
- Апель К.-О.* Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного и Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.
- Арчер М.* Реализм и морфогенез / Перевод с англ. О.И. Оберемко // Теория общества: Сб. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 157–195.
- Аутвейт У.* Действие, структура и философия реализма / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 159–169.
- Аутвейт У.* Реализм и социальная наука / Пер. с англ. А.Ф. Филиппова // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 141–158.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
- Брушлинский А.В.* Субъект деятельности и обратная связь // Системные аспекты психической деятельности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 153–176.
- Бурдье П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина и Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бхаскар Р.* Общества / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.
- Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: МГУ, 1988. 383 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 424 с.
- Гири К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова, Г.М. Дашевского, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Гуд Б.* Мозг прирученный. Что нас делает людьми? / Пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина Паблишер, 2015. 285 с.
- Доронина Т.В.* Возрастные и индивидуально-типологические особенности восприятия пространственно-предметных сред: Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: МГППУ, 2012. 26 с.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1998. 431 с.
- Кожев А.* Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Луман Н. Социальные системы / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 643 с.

Луман Н. Теория общества (вариант San Foca'89) (фрагм.) / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Теория общества: Сб. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 196–235.

Момджан К.Х. Введение в социальную философию. М.: Высш. шк.; КД «Университет», 1997. 448 с.

Рикёр П. Справедливое / Пер. с фр. Б. Скуратова и П. Хицкого. М.: Гнозис; Логос, 2005. 304 с.

Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.

Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 735 с.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке / Пер. с англ. С.Г. Пирогова // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов об экономике. М.: Современ. экономика и право, 2005. С. 351–424.

Фаддеев Т.Д. Воспоминания о войне. 1914–1915 г. Жизнь на крови. М.: Радуница, 2014. 96 с.

Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. 4. Тбилиси: Мицниереба, 1985. С. 318–340.

Филатов В.П. Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2005. Т. V. № 3. С. 73–82.

Хабермас Ю. Моральное согласие и коммуникативное действие / Пер. с нем., под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. 382 с.

Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор / Пер. с англ. С.Г. Пирогова // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов об экономике. М.: Современ. экономика и право, 2005. С. 51–80.

Bhaskar R. The Possibility of Naturalism. N. Y.: Harvester Wheatsheaf, 1979. 194 p.

Social Logics of History

*Fyodor N. Blyukher, Serguey L. Gourko,
Konstantin A. Pavlov-Pinus*

Fyodor N. Blyukher – PhD, Principal Research Fellow, Head of the Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: obluher@gmail.com

Sergey L. Gurko – Research Fellow of the Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: sgourko@gmail.com

Konstantin A. Pavlov-Pinus – PhD, Senior Research Fellow of the Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: pavlov-koal@yandex.ru

This collective work is concentrated mainly onto morphological and dynamical features of any particular socio-economical system. The authors suppose that any such system should be viewed as a system that effectively combines four basic underlying constituting phenomena: labour, power, culture and individuals' personality. The following four different and relatively autonomous autopoetical (sub)systems correspond to above mentioned phenomena: productive system, organizational system, socio-cultural system and socio-psychological system. Socio-economical system is designed to manage the way acts and events within these subsystems influence each other. One of the basic controversies of socio-economical systems is in that effective market distributions are in essential conflict with justice and other moral categories. This discrepancy between ethics and economy lies at the core many modern economical theories. Relative social autonomy of the four mentioned systems imply that historical conditions are different for each of them, what makes it more difficult to explicate unambiguously reasons for that or another "historical trouble". This requests to consider these (sub)systems and their conditions more thoroughly.

It may be argued that recognition (acknowledgement) lies at the heart of socio-psychological system. The strive for being recognized as an equal subject of social relations is no less an ultimate human need than primary biological needs. From this regard the concept of an ethos also appears to be useful as it stands for designation of two counter directed processes: the process of socialization of individuals and the process of separation of an individuals from other individuals. The power, considered as an operation, appears to be a real force which binds all individuals in a common sociality. In its many aspects it should be considered just as a mechanism of governing of humans treated as a mere set of

‘natural forces’. And yet, power creates a social subject constituted by people who capable of cooperation for the sake of common good. These two vectors constitute the organizational system.

When it comes for labour than the meaning of the productive system could be seeing in such a feature of productive relations which increases productiveness of labour using internal resources of labour itself. It is possible to achieve in the case when productive forces and productive relations mutually reinforce the process of productive evolution at the price of labour division.

The basic constituting operation of any cultural system is learning. At the same time learning is not only an internal system-reproducing operation, but also is an external operation of adoption and borrowing. The lack of internal organizational and intellectual resources forces to adopt external patterns of behavior. However, no cross-cultural influence is possible without actual joint actions and coexistence. Otherwise it would be purely formal imitation. Lack of true cooperation is one of the reasons why Russian culture readily adopts foreign cultural elements while remaining distinctive and quite self-sufficient.

Any human appears to be a subject and an object of productive, power-holding, cultural and psychological relations, therefore these four systems differently affects the course of life of common people. It is important to stress out that these systems are self-referential, and because of that they should be considered as systems of reproduction of certain relatively independent humanity aspects.

These generalized theoretical considerations could be applied to modern Russian political and social realities. One of the fundamental mistakes of pre-reformatory and reformatory conscience is a literal understanding of philosophical principle of “universal interdependence of everything with everything”. It was non-critically presumed that rapid economical changes would automatically transform productive system as a whole and then the remaining social systems and relations. The transfer of monopolized socialistic “народного” хозяйства в “частные” руки under condition of absence of developed market competitive environment did not change socio-economical system of Russia. This fact essentially explains conservatism of our productive system.

One more question that we have to decide is whether we are involved in the process of transformation or restoration. Even if we tend to think of current Russia as of a society involved in the process of reformation we have to explain the regularity of the counter-reforms that occur here. It is not right to attribute this fact to the nature of social evolution as such the progressive-recurrent mechanism of social development is a function of the condition of the morphostatic structure of society. It remains for us to assume that the causes

of the forward-return course of reforms should be sought not in the distant history of the Russian state, but in the recent actions of the domestic reformers. And to draw the last conclusion, once the reform goals (and, obviously, the reformers' group goals) of creating their own monopoly position in the market were achieved, the reforms automatically stopped.

Keywords: labour, recognition, culture, power, money, self-regulation, complexity, autopoiesis

Научное издание

**Блюхер Федор Николаевич
Гурко Сергей Львович
Павлов-Пинус Константин Александрович**
Социальные логики истории

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

*Художник Н.Е. Кожина
Технический редактор Ю.А. Аношина
Корректор И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 27.09.18.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman, Liberations Sans.
Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 500 экз. Заказ № 34.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии
https://iphras.ru/books_arhiv.htm